

ЮЛИЯ КОВАЛЬКОВА

Партия

*Иногда всё не так просто, как
кажется....*

Юлия Ковалькова

Партия

«Издательские решения»

Ковалькова Ю.

Партия / Ю. Ковалькова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837279-7

Наталья Павлова переходит на работу в крупную фирму, чтобы заменить одного из директоров, которого зовут Александр Васильев. Васильев догадывается, зачем в компании появилась эта молодая женщина. Просчитав ее, он завязывает с ней служебный роман, чтобы связать ее отношениями и, в итоге, уговорить её отказаться от притязаний на его место. И всё на стороне Васильева, кроме одного: Павлова узнает об интриге, которую он вел за её спиной. Теперь ответный ход в этой партии будет за женщиной.

ISBN 978-5-44-837279-7

© Ковалькова Ю.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	34
Глава 4	53
Глава 5	66
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Партия

Юлия Ковалькова

© Юлия Ковалькова, 2018

ISBN 978-5-4483-7279-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Имена, характеры, места действия, как и все аналогии с действительными событиями вымышлены или творчески переработаны. Все совпадения с реальными людьми остаются исключительно на совести автора.

Глава 1

Ты пахнешь дымом и чёрной кожей,
Горячим ветром, опасной ложью,
Дождём холодным и горьким виски —
Когда ко мне ты подходишь близко.
Твои глаза расцветают синим,
Твоя улыбка невыносима.
Ты говоришь мне, что я красива —
Как это сладко, не передать...
Твои желанья меня погубят,
Сейчас никто меня не осудит,
Без всяких пауз и без прелюдий,
Игру без правил вдвоём начать.

Ната Авария, «Salute, My Luv»

Случай – всегда чей-то слуга! Вопрос в том – чей?
Наталья Солнцева, «Золото скифов»

5 сентября 2016 года.

1.

« – Всё, Олег, разговор закончен. – Устало произнесла эту высокомерную фразу я тоскливо перевожу взгляд на зеркало и начинаю с показной тщательностью наносить на губы вишнёвую помаду. Из серебристой глади на меня смотрит двадцативосьмилетняя шатенка с бледно-голубыми глазами и белой кожей (поверьте, в жизни это выглядит не очень красиво), с худощавой фигурой, тонкими ногами и полной грудью (что, на мой взгляд, смотрится ещё хуже), зато в хорошо сидящем на ней офисном тёмно-синем костюме.

– Наташа, ну не надо, – скулит Олег, мой бывший муж, неловко переминаясь с ноги на ногу в квадратной, отделанной испанской плиткой, прихожей. Рядом с моим «бывшим» стоит пухлый кожаный чемодан, набитый механическими клавиатурами, разнообразными джойстиками, «мышинным» зоопарком от « Cougar » и прочими геймеровскими «девайсами», из-за которых я два последних года ощущала себя ничем иным, как игровой приставкой к компьютерным играм моего мужа.

Вы уже поняли, что мой «бывший» – геймер, игроман? А знаете, в чём наша проблема? Если нет, то представьте себе двадцатисемилетнего здорового молодого мужчину, который каждую ночь проводит за ноутбуком и с сумасшедшими, красными, как у кролика, глазами, до одури режется в «Overwatch», «The Witcher» и прочие ИТ-продукты нашей компьютеризированной эпохи.

Ну подумаешь, переболеет и утихомирится, пожмёт плечами вы. Не переболеет. И не успокоится, потому что игромания – это болезнь, перерабатывающая кору головного мозга быстрее любой мясорубки. За то время, что я жила вместе с Олегом, я успела выучить, что игромания имеет затяжной характер и вылечить игромана невозможно до тех пор, пока он сам не захочет избавиться от своей зависимости. А Олег не хочет. Именно поэтому два года

назад он уволился из «Микрософт» («достал этот график!»), перешёл на аутсорсинг («буду программировать дома»), и наши отношения в конце концов вылетели в трубу.

– Олег, я всё сказала. Уходи, – прошу я, старательно игнорируя укоризненный взгляд моей мамы.

– Наташа, – помедлив, мама делает шаг ко мне, – ну может, не надо вот так, сразу?

Олег оживляется и бросает на мою маму кроткий взгляд, который можно перевести как «премного благодарен вам за поддержку, Тамара Васильевна».

– Сразу? – Я резко разворачиваюсь к этой парочке. – А как тогда надо, мам? Нужно, чтобы он, – небрежный кивок в сторону Олега, – продолжал и дальше катиться по наклонной прямой и при этом кататься на моей шее? Надо снова сделать так, чтобы я была вынуждена уволиться с респектабельной работы только потому, что над моим мужем гоготал весь офис?.. Знаешь, что, мама? – Я грозно упираюсь кулаками в бока. – А ты заведи Олега к себе. И живи с ним вместе. Корми его, пои. Воспитывай. И слушай по ночам идиотские выкрики: «Да, да, ещё одна жизнь, йес! ПиЭс-три рулит!» – и жди, когда у Олега наступит просветление в его заср... прости, напрочь выжженных компьютерными играми мозгах.

Олег испуганно сглатывает. Мама ошарашенно глядит на меня.

– Да что ты такое говоришь, Наташа? – наконец, подаёт голос она.

– А мне надоело молчать, понятно? – Я срываюсь на крик и, сбросив маску Снежной королевы, которую носила последние полчаса, обречённо опускаюсь на крохотный пуф в прихожей. – Мам, напоминаю, что мы с Олегом были вместе последние пять лет. Три первых года я с радостью возвращалась к себе домой, потому что я шла к нему. Я помню, как мы засыпали вместе, как просыпались. Как он произносил моё имя, когда... – Я безнадежно машу рукой. – Впрочем, уже неважно. А два года назад наш мир рухнул. Только я всё не верила, что это – болезнь. Я, как всегда, пыталась всё починить... Напомнить тебе, как я с ним, – ещё один кивок в сторону Олега, – прошла все возможные клиники и лечебницы? Как мы расходились и снова сходились, потому что я верила, что у нас всё получится? А потом выяснилось, что он, – новый кивок в сторону Олега, замершего в углу прихожей, как мышь, – что он перешёл на «домашний» график только затем, чтобы никто не мешал ему играть?.. Играть, играть, играть! – От безысходности я снова повышаю голос и отчаянно бью кулаком о серебряную поверхность зеркального столика.

Стекло жалобно дребезжит. Мама ахает. Олег прячет от меня униженный взгляд, а я неимоверным усилием беру себя в руки.

– Два года назад во мне умерла женская суть, – уже своим нормальным голосом заканчиваю фразу я. – У меня пропало всякое стремление к близости. К любви. К элементарному сексу... Мама, я больше не хочу продолжать. Я устала. А теперь, – бросаю взгляд на красные наручные часы с забавной мордочкой Микки-Мауса, украшающей циферблат, – а сейчас у меня вообще осталось ровно пять минут на то, чтобы привести себя в порядок, отправиться на собеседование и постараться не провалить его из-за утренних разборок со своим – уже бывшим! – гражданским мужем. И – прости меня, мама! – из-за твоего незапланированного визита ко мне во имя спасения Олега.

– Павлова, – тихо, интимно шепчет мой «бывший».

«Как странно, – проносится в моей голове, – раньше то, как Олег произносил мою фамилию, вызывало у меня мурашки по коже. А сейчас это не вызывает ничего, кроме злобы и раздражения».

– Уходи, Олег. – Впервые за всё время нашего разговора я смотрю в его простодушные серые глаза, опущенные по-детски густыми ресницами. – Если у тебя осталась ко мне хотя бы малейшая капля уважения, хотя бы квант элементарной благодарности, то просто уходи. Воз-

вращайся к своим родителям, к своим друзьям-геймерам, отправляйся, куда ты хочешь, только оставь меня в покое. Навсегда.

В квартире повисает звенящая, неприятная тишина. Я заполняю пустоту, встав с пуфа, и судорожно продеваю руки в рукава тёмно-синего жакета.

– Уходи, – непреклонно повторяю я.

– Прости, Павлова, – шепчет Олег. Ломаным, измученным, покорным движением подхватывает собранный чемодан и отпирает задвижку входной двери. Помедлив, кладёт свою связку ключей от моей квартиры на столик в прихожей и поворачивается к моей маме: – Простите, Тамара Васильевна. Я *так* не хотел.

Мама грустно кивает. Олег распахивает дверь и исчезает за порогом. Я слышу, как на лестнице в темноте подъезда гложут его шаги.

«Вот и всё, – думаю я. – Всё. Кончено».

– Ну что, теперь ты довольна, Наташа? – вырывает меня из пустоты усталый голос мамы. – И что сейчас, позволь спросить, ты собираешься делать? Одна, в свои почти тридцать. Без брака и без ребёнка?

– Зато я свободна, мама, – вздыхаю я. – Не знаю, как насчёт первого и второго, но я нашла работу. И сегодня постараюсь обязательно устроиться на неё.

– Ну-ну, – усмехается мама. – Карьера, это всё, что тебе остаётся. Да, Павлова?

Я молчу: мне нечего ей ответить.

Мама и я выходим из квартиры. Я запираю дверь. Мама бросает на меня быстрые, задумчивые взгляды бледно-голубых глаз, цветом похожих на топаз. Точно такие же глаза и у меня – они точно выцвели от обрушившегося на нас одиночества. В своё время мама упустила моего отца. А я только что отпустила Олега. Ёжась от холода (и образовавшейся внутри меня пустоты), я застёгиваю жакет на все пуговицы. Мама вызывает лифт. Мы молча доезжаем до первого этажа, я сбегая по ступеням, толкаю тяжёлую дверь подъезда и выпускаю маму на улицу.

– Тебя подвезти? – предлагаю я и бросаю взгляд на часы с Микки-Маусом. До собеседования у меня есть ещё час с хвостиком, а мама живёт всего в трёх остановках от улицы Кржижановского.

– Не надо, я просто пройду до метро. Мне есть, о чём подумать. – Мама вздыхает и всё-таки подставляет мне свою гладкую, пахнущую изысканными духами щёку. Она такая красивая, моя мама. И всегда переживает за меня больше, чем я заслуживаю. – Удачи, – холодно прощается мама, когда я предлагаю ей свой виноватый дочерний поцелуй.

– Спасибо. – Я трогаю маму за локоть. Это – моё извинение за утреннюю сцену, за всё, что мама вытерпела от меня, своей единственной и очень упрямой дочери, которая так и не оправдала её надежд: не создала собственной семьи, не подарила ей внуков. Сажусь за руль, давя в себе клубок отчаянной, солёной горечи. Пристёгиваю ремень. Мама вяло машет мне, заглядывая в окно со стороны левой дверцы моего «Мини Купера».

– Удачи, – шепчут её губы.

«Удачи, мама? – горько улыбаюсь я. – Удача не любит серьёзных и целеустремлённых людей. Бесшабашные головы, безумцы и игроки – вот её короли и принцы. А я – не такая. Мне не нужна удача, потому что я знаю, кто я, что я могу и почему на собеседование вызвали именно меня».

С этой мыслью киваю маме, жму на педаль газа и выезжаю со двора. Через час и тридцать минут меня ждут в офисе фирмы, которую я, повторяя за человеком, выбравшим меня из десятка соискателей, называю так же просто и ёмко, как он: Контора».

« – Лизон, вставай, – Вытирая взъерошенную мокрую голову полотенцем, я выхожу из душа и произношу имя своей юной сожительницы на французский лад. – Лизон, вставай, я кому говорю?

– Отстань, Сашка, – вяло отбивается Лиза.

– Ах, так? – Наклоняюсь и тяну свою принцессу за пятку, игриво выглядывающую из-под одеяла. «Лизон» немедленно приоткрывает правый глаз, хлопает ресницами, её взгляд становится осмысленным и фокусируется на нижней части моего тела.

– Ого, – плотоядно тянет она и переворачивается на спину, – а ты ещё ничего, Васильев.

– Чего? – усмехаюсь я и направляюсь к шкафу, отлично сознавая, что женские глаза сейчас впиваются в мою голую задницу. – Да я ещё ого-го!

– Ну, тогда иди сюда. – «Лизон» приглашающе распахивает одеяло.

– Нет уж, – хмыкаю я, выдёргивая из шкафа вешалку, на которой висит мой сегодняшний костюм. – Кстати, ты кофе будешь?

– А если да, то что? – прищуривается «Лизон».

– А если что, то я оставил тебе полпорции робусты¹. Только сама подогреешь, – отзываюсь я и вытягиваю нижнюю полку в шкаф.

«Так, туфли у меня сегодня тёмно-синие, замша. Стало быть, и носки должны быть в тон...»

– Гад ты, Саша, – жалобно отзывается Лиза. – Сто лет живу с тобой и вечно одно и то же: утром ласки вообще никакой.

– Тебе вчера ласки не хватило? – насмешливо отзываюсь я, застёгивая на запястье тёмно-коричневый браслет дорогих наручных часов. – Кстати, где я запонки оставил, не помнишь?

– В прихожей, – ухмыляется Лиза и игриво вскидывает вверх тонкую бровь. – Не забыл, как мы вчера домой из гостей возвращались?

Я смеюсь:

– И как пришли, тоже помню.

Надеваю брюки, рубашку, просовываю голову в ворот тёмно-синего свитера. Вставляю запонки в узкие петли манжет, аккуратно застёгиваю серебряные крючки. Продвигаюсь к прихожей и ищу взглядом куртку.

– А поцеловать? – догоняет меня голос Лизы.

Покорно возвращаюсь и чмокаю её в тёплые розовые губки, призывно и совершенно по-детски сложенные буквой «о».

«Она такая красивая. И вся моя», – думаю я, разглядывая поддёрнутые влагой желания карие глаза, приподнятые к вискам, как у кошки.

– До вечера и удачи на работе, Васильев, – шепчет Лиза и нежно гладит меня по аккуратно выбритому подбородку. – Я буду держать за тебя кулачки. Ты их всех сделаешь, правда?

– Как всегда. – Я на секунду прижимаю Лизу к себе и, прихватив сумку, исчезаю за дверью.

Пятнадцатисекундная пробежка вниз по лестнице, и я оказываюсь рядом со стеклянной «коробкой» нашей новой консьержки.

– Александр Владимирович, доброе утро! – смущённо кивает из-за окошка молоденькая татарка Гуля, старательно, буквально по слогам выдыхая моё имя и отчество.

– Привет, – улыбаюсь я. – Ну, как твои дела? Женихом ещё не обзавелась? Не говори «да», а то я очень расстроюсь.

¹ Робуста – сорт кофе. В отличие от ароматной арабики, характеризуется высоким содержанием кофеина.

– Нет, не обзавелась... ещё, – тянет Гуля и мажет по мне глянцево-чёрными глазами. Но в её зрачках – то самое искательное выражение, которое моя «Лизон» называет не иначе, как исконно-женским томлением. Бросаю быстрый взгляд в зеркало, которое висит за спиной у консьержки. Пятерней зачёсываю назад упавшие мне на лоб волосы. Мне нравится, как я выгляжу. В меру высок (метр восемьдесят три), не «раскачан», но с хорошей фигурой, с широкими плечами, с висками, ещё не испорченными ранней сединой. Правда, губы чуть-чуть тонковаты, но, на мой взгляд, это придаёт моему лицу эдакую аристократичность. Но то, что всегда беспронимательно привлекает ко мне внимание, это цвет моих глаз. Он синий. Он ярко и броско смотрится на моём смуглом лице. «Какой глупый, самовлюблённый павлин», – скривите губы вы.

Увы, сейчас я вас очень разочарую. Несмотря на мою внешность и любовь к хорошим шмоткам, мой IQ составляет ровно сто семьдесят баллов, что на десять пунктов выше показателей Билла Гейтса. Я – кандидат технических наук. За мной числятся сто двадцать пять изобретений. В свои почти тридцать пять я уже возглавляю ТОП 50 ИТ-директоров ведущих российских телекоммуникационных компаний.

И у меня хватает ума понять: в сегодняшнем мире внешность играет громадное значение. Нет, одежда не делает нас умней или добрей, щедрей или лучше, но в своих первых суждениях мы ориентируемся всё-таки на внешность. На то, как выглядит человек, на то, как он двигается, на то, как он на вас смотрит. И если красивая женщина просто привлекает внимание, то красивый мужчина находится в более выигрышной позиции: ему не надо прилагать особых усилий, чтобы начать разговор, удержать и развить интерес собеседника. Особенно, если твоя визави – женщина. Впрочем, последнее вовсе не означает, что я, очертя голову, готов во все тяжкие – или вообще просвещать «Лизон» относительно всех моих походов. И если подобная забота называется словом «любовь», то да, я очень люблю Лизу. К тому же, положив руку на сердце, «Лизон» устраивает меня больше других: податлива, молода, красива. Но самое главное – она преданна мне.

«Кстати, о женщинах и об их преданности...»

Одарив Гулю дежурной улыбкой (от которой юная татарочка засветилась, как лампочка в тысячу мегаватт), толкаю дверь подъезда и выхожу на улицу. Оглядевшись по сторонам, достаю из кармана телефон, набираю знакомый номер. Пока моя собеседница ищет трубку, шагаю к машине. Через пять секунд гудки ожидания в моём сотовом обрываются под хриловато-чувственное:

– Саша? Приве-ет! Ну что, заедешь за мной?

– Слушай, солнышко, я не успеваю, – прижав плечом телефон к уху, я хлопаю себя по карманам, чтобы найти ключи от машины. – Скажи лучше, у тебя получилось организовать то, что я просил?

– Свинтус ты. А у меня – да, у меня всё получилось, – вредным и одновременно кокетливым тоном отзывается женщина. – В общем, так: я поставила этой Павловой собеседование на девять утра. Она же не знает, что шефа в офисе в это время никогда не бывает? Так что обставим раннее время её визита, как мою ошибку. В итоге, Павлова сначала встретится с тобой, а потом уже с генеральным. Ну как, устроит такой расклад?

– М-м, супер. Ты просто супер, солнышко. – Снимаю машину с сигнализации, распаиваю дверцу «БМВ», зашвыриваю в салон сумку.

– С тебя причитается, Васильев, – немедленно намекает женщина.

– Хочешь, сегодня пообедаем вместе? – Я пытаюсь увернуться от ожидаемого с меня алаверды.

– Только обед? – Моя собеседница явно обиделась. – Но я думала, что ты... что мы... ко мне... или, на худой конец, в гостиницу.

– Моя вторая половина дома, – стараясь не раздражаться, напоминаю я. – Ты же знаешь, какая Лиза, – всё в миг учует! Вот через месяц Лизон к матери в Питер поедет, тогда и наверстаем.

– Ладно уж, – вздыхает женщина. – Ты как всегда верёвки из меня выёшь.

– А ты не жалуйся: что хотела, то и получила. Ну всё, минут через сорок увидимся.

Не дожидаясь ответа, отбиваю звонок, сажусь в машину, вставляю ключ в замок зажигания.

«Зло ездит на «БМВ»», – скажете вы и, как ни странно, окажетесь правы. Улыбнувшись своим мыслям, выжимаю педаль газа и отправляюсь на улицу Кржижановского, где находится офис Конторы».

3.

«Улица Кржижановского представляет собой узкое, щербатое асфальтовое полотно, разделённое трамвайными путями, по которым раз в пятнадцать минут пробегают звенящие красные трамвайчики – уже редкость для Москвы. С обеих сторон улицу подпирают дома из красного кирпича, похожие на часовых. Основная проблема здесь – это найти место, где пристроить автомобиль, потому что парковочные «карманы» всегда забиты, а отыскать лазейку в каком-нибудь дворе практически невозможно. Но мне везёт: покружив, я нахожу свободное место в «мешке» рядом с домом под номером пять. Осторожно втискиваю свой «Мини Купер» между тёмным «Паджеро» и доисторической «Волгой». Выбрасываю на асфальт ноги, роюсь в сумке и выуживаю на свет приличные кожаные туфли. Ненавижу обувь на каблуках, но собеседование – это всегда корпоративный тон, где предпочтение отдаётся не удобству, а тому, что кандидат «должен соответствовать». Сунув ступни в «испанские сапожки» (то есть в изящные «лодочки»), осторожно встаю на ноги и желаю себе не упасть. Воровато оглядываюсь, подтягиваю вверх бежевый чулок на правой ноге и немедленно ловлю на себе чей-то заинтересованный взгляд.

«Так я и знала!»

Злобно прищуриваюсь и поднимаю голову. На втором этаже, в окне, в доме напротив пристроился курить какой-то дедок в майке-«алкоголичке», слегка ошарашенный моим легким стриптизом. Рывком опустив юбку, делаю невозмутимое лицо, запираю машину и, независимо помахивая сумкой, устремляюсь во двор, где находится офис Конторы.

Пройдя шлагбаум, толкаю стеклянную дверь бюро пропусков. Сейчас без пятнадцати девять, поэтому очередь из визитёров в Контору состоит всего из пяти человек. Отмечаю, что охрана на пропускном пункте работает слаженно и чётко: на «обработку» одного посетителя уходит ровно десять секунд. Пользуясь передышкой, выдвигаю правую ступню из жёсткой «лодочки». Разворачиваюсь к огромному, в пол, окну. Рассматриваю, как по выделенной для пешеходов дорожке проходит стайка девиц лет восемнадцати в белых рубашках и коротеньких чёрных юбках.

«Секретарши», – думаю я. За девчонками грозной поступью следует грузный, неуловимо похожий на школьного «трудолика» мужчина в плохо подогнанном костюме. «Кладовщик или, как сейчас говорят, ХОЗУшник, – соображаю я, – рядовой – из той породы „служак“, у которых на учёте не только каждый дырокол, но и любая скрепка». Между тем за моей спиной охранник выписывает пропуск уже третьему посетителю, а к шлагбауму подъезжает похожий на дорожную игрушку «БМВ» – это одна из тех моделей, при виде которых у женщин, по идее, должны подогнуться колени, а у мужчин развиваться комплекс неполноценности. Но у меня только один вопрос: «И как такая игрушка по нашим ухабам ездит?» Предмет моих мыслей останавливается у шлагбаума, со стороны водителя плавно опускается окно, из которого доносится «Je suis malade» Лары Фабиан, и к датчику протягивается хоть и узкая, но явно мужская ладонь

с зажатым между пальцами пропуском. В глаза бросаются смуглые пальцы, блестящий ободок часов, бледно-розовая манжета и звёздочка серебряной запонки. Мужчина небрежно машет пропуском, а мне почему-то очень хочется разглядеть его.

«Не бойся, он не привлекательный, – подаёт ехидный голос моё подсознание. – Но даже если наоборот, то это ничего не значит, потому что твой крест – это неудачники и ничтожества. Вспомни Олега, Павлова».

– О, смотри, смотри, Владимирович на новой «бэхе» приехал, – долетает до меня возбуждённый голос охранника. – Ай-восемь, видел такую? Следующий, пожалуйста. – Последнее сказано уже мне. Прихрамывая, подхожу к бюро пропусков.

– Где? – в это время второй охранник, забыв обо всём, бросается в прорезь окошка и практически утыкается носом в мою левую грудь. Судорожно сглатывает и поднимает вверх голову.

– Павлова, – с тихой угрозой произношу я, глядя ему в переносицу. Сую покрасневшему служащему свой паспорт.

– К-к кому? – Охранник пытается говорить связно и старательно отводит глаза от выреза моей блузки.

– К Тарасову. – Я называю фамилию всемогущего шефа Конторы. Кажется, это возымело должный эффект, потому что оба охранника немедленно сделали серьёзные и скорбные лица, которыми младшие по должности обычно приветствуют старших. Документ благосклонно принимается из моих рук, в компьютер молниеносно вносится соответствующая запись, а мне возвращают паспорт, аккуратно заложенный белой пластиковой карточкой с надписью «посетитель».

– Через турникет, главный вход, – произносит охранник и бросает последний взгляд то ли на мою выдающуюся грудь, то ли в окно, за которым мелькнула и скрылась серебристая «бэха».

Фыркнув, киваю и прохожу турникет. Оказавшись на улице, с неудовольствием отмечаю, что, во-первых, до входа в парадные раздвижные двери Конторы мне топать ещё метров тридцать. Во-вторых, путешествовать мне придётся по вымощенному плиткой двору. В-третьих, «бэха» уже преодолела это расстояние и паркуется на квадрате, обозначенном как «v1p».

«Ну, а я для Конторы пока ещё не VIP».

Тяжело вздыхаю и делаю первый осторожный шаг по серой узорной плитке. Никогда не ходили в жару по булыжной мостовой на каблуках, в узких, ещё не разношенных туфлях тридцать шестого размера? Ощущение сравнимо только с болью хрестоматийной Русалочки, которой злобная ведьма подарила две ножи. А голос, видимо, отобрала для того, чтобы бедная девочка на каждом шагу не орала от боли.

Морщась от упрямо впивающейся мне в пятку туфли, расправляю плечи и уговариваю себя не кривить лицо, не грызть губы и не морщить лоб. Чтобы отвлечься, рассматриваю высокое крыльцо Конторы, на котором сбились в стайку пятеро мужчин и две молодые женщины. Вся «семёрка» громко переговаривается, бурно жестикулирует и временами хохочет. Я же, страдая от немилосердно впившейся в мою плоть туфли, перевожу мученический взгляд в сторону. Сделав ещё десять шагов, замираю на месте, давая передохнуть измученной ноге. За это время серебристый «БМВ» вписывается в отведённый для него «карман», и дверца со стороны водителя распаивается. От меня до владельца машины – ровно десять шагов. Расстояния вполне достаточно, чтобы я смогла разглядеть хозяина этой «игрушки». К моему удивлению, это не чахлый и не рыхлый субъект метр пятьдесят в прыжке, а высокий хорошо сложенный темноволосый мужчина примерно моих лет.

«„Два“ тебе за аналитику, Павлова», – хмыкает моё подсознание. Между тем незнакомец, который стоит ко мне в пол-оборота, смахивает с лица «авиаторы» и жизнерадостно улыбается группе, оккупировавшей крыльцо.

– Привет, – доносится до меня его негромкий, довольно приятный голос.

– Саш, ну чего так долго? – Одна из женщин отбрасывает сигарету и сбегает вниз по ступеням, прикладывается поцелуем к его щеке.

– А я трамвайные пути объезжал, – смеётся «Саша».

«Саша?.. „Владимирович новую бэу купил...“ Так, стоп: а это не тот ли Александр Владимирович Васильев, из-за которого меня пригласил генеральный директор Конторы?»

Я замираю, пытаюсь разглядеть мужчину, про которого много слышала, но вживую не видела никогда (если, конечно, не считать найденный мной в Сети снимок. Но электронная фотография была из той категории изображений, на которых толком не разглядишь ни носа, ни глаз человека).

Пока я раздумываю о превратностях судьбы и слабостях Интернета, звучит бодрый и нестройный хор голосов:

– Доброе утро, Александр Владимирович!

– Как выходные?

– А ваш день рождения когда будем отмечать?

– На этой неделе, – смеётся Васильев.

Собственно, этот его смех и заставляет меня опомниться и даже сделать пару шагов вперёд.

– А мы, кстати, как раз обсуждали, что тебе подарить, – произносит женщина, которая секундой ранее сбегала к Васильеву с крыльца.

– Всё, что ты ни придумаешь – всё будет прекрасно, Ленок... Ну ладно, тунеядцы-коллеги, подчиненные-алкоголики, давайте в темпе докуривайте, а мы пойдём. У нас ещё собеседование.

– Так у вас всё-таки будет второй зам? – оживляется невысокий плотный блондин.

– А это мы, Вадик, посмотрим, – загадочно отвечает Васильев.

– А он красивый?

– Кто?

– Кандидат, – подсказывает кто-то.

– Лучше бы кандидатка, – мечтательно тянет Вадик. – Устал я от нашего коллектива: одни мужики. Поухаживать не за кем.

Пауза – и дружный смех.

– Лен, скажи, так кто к нам придёт, кандидат – или кандидатка? – настаивает Вадик.

– Кандидатка, – смеётся «Ленок».

– Слава те господи. – Вадик истово крестится. Новая пауза – и новый взрыв хохота. Я поджимаю губы, смотрю по сторонам, на часы – да куда угодно, только не на крыльцо.

– Так красивая соискательница, Александр Владимирович? – звучит из толпы чей-то голос.

Перевожу дыхание. Почувствовав позади движение и мой лёгкий вздох, Васильев оборачивается и утыкается в меня взглядом. А я замираю и, кажется, даже забываю, как дышать, увидев его глаза: яркие, острые, внимательные. Удивительно синие.

– Ну так что, она симпатичная? – слышу я сквозь назревающий шум в ушах. Васильев отводит от меня равнодушный взгляд:

– Не знаю. Но думаю, что не очень.

Секунда – и группа на крыльце корчится от смеха. А моё наваждение обрывается как сон – как мечта, растоптанная действительностью.

«Да, я – не красивая. Ну и что?»

Сделав усилие, независимо расправляю плечи и, приказывая себе не хромать, вхожу в стеклянные двери».

4.

«Приобняв Ленку за талию, прикладываю карточку к турникету. Пропускаю её вперёд и вызываю лифт. На втором этаже мы прощаемся. «Ленок» (наша тридцатилетняя директор по кадрам и, как вы уже поняли, моя любовница и сообщница) осторожно, чтобы не стереть помаду с губ, чмокает меня в щёку. Подмигнув, выходит из лифта и направляется в блок, где находятся переговорные комнаты. Я доезжаю до четвёртого этажа, захожу в свой кабинет, захлопываю двери. Отправляю куртку на вешалку, включаю компьютер, устраиваюсь в кресле, вытягиваю ноги вперёд и начинаю просматривать входящую почту.

«Ленка, пусть криво и косо, но сыграет отведённую ей роль, – думаю я, перебирая письма. – Всё остальное возьму на себя я: отделаю неизвестную кандидатку по полной и выставлю её за дверь до прихода Тарасова, который появляется на работе ровно в десять утра, следуя принципу: „я – барин, мне всё можно“».

Впрочем, вас, наверное, уже давно интересует, что это я затеял?

Начнём с того, что Контора, в которой последние десять лет подвизаюсь я, – один из самых успешных российских разработчиков телекоммуникационных продуктов. Год назад хозяин Конторы ушёл на покой и посадил нам на шею «антикризисного» менеджера – управленца и генерального директора, которого зовут Тарасов Вячеслав Андреевич. Тарасову хорошо под шестьдесят, и он из той категории людей, с которыми две минуты общаешься, а потом пять лет от них бегаешь. Впрочем, пока уважаемый Вячеслав Андреевич старался «держат марку» и завоевать репутацию у нас, своих подчинённых, всё было совсем неплохо. Но полгода назад Тарасов освоился и стал понемногу прижимать нас к ногтю, требуя продуктивности, «тимспирита²», «мозговых штурмов» – в общем, всей той ерунды, при упоминании которой у меня моментально начинают болеть зубы.

А ещё месяц назад Тарасов раздобыл где-то сведения, что наша телекоммуникационная отрасль готовит крупный заказ на микропроцессоры, которые станут «мозгом» для новых космических спутников, и загорелся сразу двумя идеями: во что бы то ни стало, выиграть этот тендер, и для усиления моей команды (ха!) подсунуть мне заместителя по стратегическим проектам (ха-ха два раза). Двух первых кандидатов я отшил при помощи Ленки (каким образом – вы уже поняли). А сегодня меня ждала встреча с последним соискателем, вернее, соискательницей – дамой, ранее работавшей на «Микрософт».

Раздумывая, как развернуть разговор с карьеристкой и выставить её из Конторы коленом под зад до прихода Тарасова, встаю из-за стола и подхожу к окну. Оно частично выходит во внутренний двор, куда постепенно стекаются все наши сотрудники. Кто-то с любопытством разглядывает мою «бэху» (знали бы они, как меня раздражает эта машина!), кто-то морщится, но всё равно жадно курит одну за другой (видимо, пробухал все выходные). Я же ищу глазами в толпе худенькую «балерину».

Нет, я не оговорился: именно так я назвал про себя бледную девицу лет двадцати – двадцати пяти на вид, со страдальческим лицом и длинными ногами, которую видел в нашем дворе минут десять назад. Развёрнутые плечи, хорошая грудь, ровная спина – и при этом дёрганная походка, при виде которой мне захотелось не то засмеяться, не то заплакать, не то пожалеть девчонку. Поймав мой взгляд, «балерина», которая секундой ранее мучительно морщила лоб и кусала в кровь губы, тут же сделала скучающее лицо, вздёрнула вверх подбородок и преобразилась в Снежную королеву. Но меня обмануть сложно: парень я наблюдательный.

«Туфли новые и жмут», – догадался я и отвернулся. Правда, на секунду насторожился: «балерина» явно хромала в сторону нашей Конторы. Вопрос: к кому она шла? Но поскольку

² От англ. team spirit – командный дух.

с приходом Тарасова Ленка и её менеджеры (читай, подружки-сплетницы) чуть ли не каждый день беседовали секретарей, продавцов и менеджеров, я успокоился: невзрачная «балерина» могла, в лучшем случае, претендовать на позицию в административном отделе (у нас там все с такими лицами), в худшем, занять должность в секретариате, обслуживающим здание (ресепшен: подай, принеси, сбегай).

От мыслей меня отвлекла барабанная дробь каблуков, бьющая по ламинату пола. Поворачиваюсь к двери, опираюсь о подоконник и присаживаюсь на его край. Стук в дверь, и в проёме показывается возмущённое лицо Ленки. Причём вид у «кадровички» такой, точно её битый час возили морд... пардон, лицом об стол. Склонив к плечу голову, я даже фыркнул.

– Ну? – спросил я.

– Ой, дай отдышаться, Сашка. – «Ленок» закрывает двери, приваливается к ним спиной и закатывает глаза. – Ну ничего себе!

– Что, кандидатка очень страшная? Укусила тебя?

– А ты её, кстати, видел, – огрызается Ленка.

– В смысле? – «не догоняю» я.

– Во дворе. Пятнадцать минут назад. В синем костюме. Длинноногая цапля с перекошенным лицом.

– Балерина? – непроизвольно выдыхаю я и непроизвольно тяну шею вперёд.

– Какая балерина? – в свой черёд удивляется Ленка. – Волочкова, что ли?

– Забудь, – морщусь я, вспоминая фразу, которую неосторожно бросил на крыльце.

Потому что на месте новой кандидатки я представлял себе совсем иную женщину: основательную, обязательно широкую в кости и почему-то полную. И тут до меня доходит...

– А ну-ка пошли, – разворачиваю Ленку лицом к двери.

– Дай хоть отдышаться, – жалобно просит Ленка.

– По дороге выдохнешь. – Я тяну «кадровичку» в коридор, ведущий к лифтам. – Потому что пока ты будешь «выдыхать», к нам Тарасов пожалует и тогда прости-прощай задуманная мной афера. М-м? – нажимаю на кнопку лифта.

– М-м, – мычит Ленка и послушно заходит в кабину.

– Давай, рассказывай, что с этой Павловой не так? – требую я.

– Саш, поверь мне, я много чего видела, но никогда не проводила собеседование с подобной стер-стервой.

– Да ладно, – не верю я. Потому что по сравнению с Ленкой все стервы мира должны стыдливо потупиться и уступить первое место ей. – Так что произошло? Я же дал тебе вопросы, которыми ты могла её задавить.

– Ага, спасибо тебе, друг сердечный, – ёрничает Ленка. – Я по твоей бумажке и действовала. Села и первым делом спрашиваю, чем эта Павлова занималась и знает ли систему эрэм один.

– Систему эрэм... погоди, РМІ, что ли? – доходит до меня. – Лен, это же английская аббревиатура. Читается как «пиэмай». Означает систему управления проектами.

– Не мог раньше сказать? – бесится Ленка.

– Вообще-то я думал, ты знаешь подобные вещи. Ладно, чёрт с этим, дальше что?

– А дальше я спросила её про центр ком-компений.

– Компе... центр компетенций, что ли? Это же сокращение, Лен. – Клянусь, если бы не трагизм ситуации, я бы расхохотался.

– Не перебивай меня! – злится Ленка. – Ты прямо, как эта Павлова. Потому что пока я сидела и, как дура, читала твою бумажку, эта бледная немощь так грустно на меня посмотрела и с сожалением произнесла: «А вам то, что я рассказываю, не сложно? Может, лучше о моём хобби поговорим? Это проще для вашего понимания».

Не выдержав, фыркнул. Не смог удержаться – и всё-таки расхохотался.

– Очень смешно, – оскорблённая Ленка закусывает губы и отворачивается.

– Ну, прости, – глажу её по спинке. – А потом что?

– А потом я решила спросить у неё, отчего она с предыдущей работы уволилась? А эта... эта бл... эта бледная моль, эта серая мышь отвечает, что у неё бывший гражданский муж – игроман. И что в «Микрософте» об этом узнали, а ей краснеть не хотелось, и поэтому она написала заявление по собственному.

– Вот прям так честно и сказала? – Откровенно говоря, я поражён.

– Вот прям так честно и сказала, – вредным голосом передразнивает меня Ленка. – «Не бойтесь, что после такого ответа вы к нам можете вообще не устроиться?» – спрашиваю. – «Нет, – улыбается, – не боюсь. Потому что ваша служба безопасности уже в курсе, а я, тем не менее, здесь. К тому же, у меня блестящие рекомендации». – «Ну и от кого они?» – спрашиваю.

– Ну, и от кого они?

Лифт останавливается. Я по инерции делаю шаг вперёд.

– От кого? От Тарасова! Она с ним, видишь ли, давно знакома...

Я замираю, как стреноженный конь:

– Чего?

– А они месяц назад познакомились. А два дня назад здесь в кафе встретились. И обо всём договорились. А сегодня Павлова прискакала сюда, чтобы пройти формальное интервью со мной. Ну, и с тобой тоже. – Ленка по инерции продолжает идти вперёд и утыкается носом мне в шею.

– Да-ё моё... Ты что, заснул? – Ленка немедленно прислоняет ко рту тыльную сторону ладони и проверяет, не размазалась ли её помада.

– Ах, вот значит, как, – зловеще цежу я, – без меня меня, значит, женили... ещё месяц назад... Слушай, Лен, а эту Павлову не интересует, почему меня, её потенциального начальника, на встречу в кафе не позвали?

– Нет, Павлову это не интересует, – с издёвкой сообщает Ленка, достаёт платочек и, поплевав в него, начинает быстро тереть мне шею.

– Не интересует, значит... Ну-ну... Ладно, сейчас разберёмся. – Отстраняю Ленку, вытираю шею сам и решительно иду к переговорной».

5.

«Воспользовавшись исчезновением «кадровички», пообещавшей «привести того, кто лучше разбирается в ваших вопросах», откидываюсь на стуле и тайком, под столом, снимаю с правой ноги «лодочку». Переношу вес туфли на пальцы, покачиваю ногой и с любопытством разглядываю комнату.

«А мне здесь начинает нравиться», – думаю я и с удовольствием брожу взглядом по большой плазме, столу, отделанному стеклом, металлом и кожей. Блуждаю глазами по гладко отштукатуренной светлой стене с дипломами, кубками и сертификатами. В это время дверь переговорной распаивается и передо мной возникает тот, кого я ожидала: Александр Владимирович Васильев, собственной персоной.

Позавчера Тарасов вкратце рассказывал мне про него.

«Ему почти тридцать пять. Проходил обучение во Франции... Он очень умный, Наташа. Но ты будешь с ним беседовать только при мне, потому что у меня, к сожалению, есть все основания полагать, что этот человек будет против твоего найма. А твоя задача – войти в его коллектив, вытащить из него все контакты и возглавить его департамент в тот день, когда он уволится сам, – ну, или я его уволю...»

К сожалению, Вячеслав Андреевич забыл упомянуть про внешность Васильева. Потому что в жизни мужчин с такой внешностью не бывает – они есть только в кино, в театре. Ну, и в книгах. Я подбираюсь на стуле, когда Васильев быстрым шагом подходит ко мне. Окинув меня любопытным взглядом, он протягивает мне смуглую ладонь, чтобы одарить меня рукопожатием. Приподнимаясь, одновременно пытаюсь сунуть ступню обратно в «лодочку». Но туфля соскакивает и с грохотом бьётся о ламинат. Я вздрагиваю. «Кадровичка» фыркает, а Васильев с непроницаемым лицом склоняет к плечу голову.

– Добрый день, – приказав себе забыть про босую ступню (из-за стола моих ног всё равно не видно), встаю и кладу свою дрогнувшую руку в тёплую, сухую мужскую ладонь. Прикосновение кожи к коже – и мои пальцы цепенеют, моя ладонь становится холодной, липкой и влажной. От смущения не знаю, куда глаза девать. Васильев преспокойно пожимает мои дрогнувшие пальцы.

– Присаживайтесь, – отпустив мою руку, дружелюбно предлагает он. Я неловко устраиваюсь на стуле. Александр Владимирович абсолютно по-хозяйски придвигает к себе кресло. «Кадровичка» пытается усесться рядом с Васильевым, но тот её останавливает:

– Спасибо, Лен. Иди, дальше мы сами.

– Но... – В зеленоватых глазах женщины мелькает разочарование.

– О результатах я тебе сообщу, – ровным голосом отвечает Александр Владимирович. Прикусив губу, «кадровичка» разворачивается и, стрекоча каблуками, направляется к дверям. Похоже, её походка рассчитана на внимание Васильева. Но женщину, манерно застывшую в дверях, ожидает удар: мужчина, сцепив в замок руки, продолжает внимательно разглядывать меня. «Ленок» передёргивает плечами и закрывает за собой дверь. А в комнате образовывается тишина.

– Туфли очень жмут?

– Что? – очнувшись от гипнотизирующих меня синих глаз, сипло спрашиваю я.

– Ничего. Неважно... Чай, кофе хотите?

– Спасибо, нет. – Я поджимаю губы.

– Ладно. – Произнеся это, Александр Владимирович переносит ладони на подлокотники кресла, устраивается поудобней и вальяжно закидывает ногу на ногу. Мне очень хочется скопировать его позу, но у меня одна ступня босая. За неимением лучшего усаживаюсь прямо, кладу руки на стол и смотрю на Васильева. Как ни странно, но в голову мне приходит мысль, что он и я чем-то неуловимо похожи. Голубой отлив глаз, тёмные волосы, синий тон одежды... Вот только мой начальник – яркий брюнет, а я – бледная шатенка.

– Можно я буду называть вас по имени? – прерывает затянувшуюся паузу Васильев. Подумав, киваю. – Поговорим начистоту, Наташа? – Мой очередной кивок. – Я читал ваше резюме. И если вы в действительности хороши хотя бы на половину от того, что вы о себе пишете, то я не удивляюсь, что Вячеслав Андреевич решил оторвать вас у «Микрософт» с руками и ногами. Но есть одно «но»...

«Боже мой, – мелькает в моей голове, – какой у Васильева голос: глубокий, тревожащий, но отчего-то смертельно усталый».

– ... и это «но» заключается в том, что я не хочу, чтобы вы у меня работали.

«Упс».

Откашливаюсь:

– А почему, позвольте спросить?

– Вы слишком молоды, вам всего двадцать восемь – это раз. Два: вы – женщина.

Вот тут я и возвращаюсь на землю.

– Александр Владимирович, – начинаю в своей привычной манере цедить слова. – Начнём с того, что средний возраст специалистов Конторы – это тридцать три года. К тому же у вас, кажется, уже есть один зам? Ему, если не ошибаюсь, двадцать шесть?

– Справки наводили? – усмехается Васильев.

– Нет, Тарасов рассказывал.

– Где? Когда?

– Когда я с ним беседовала.

– Ах да, – Васильев пятерней ерошит тёмные волосы. Опомнившись, приглаживает расчёпанную шевелюру. – Ну так и что следует из вашей ремарки про возраст?

– А то, что, когда вы пришли в Контору, вам было всего двадцать пять, – упираю голосом на наречие «всего». – А в двадцать шесть вы стали руководителем одного из подразделений. В двадцать семь вас повысили до заместителя директора. В тридцать вы стали директором. Вам это ничего не напоминает? Вы же видели моё резюме.

«Да, я такая же карьеристка, как и ты. А может, и ещё больше».

Васильев задумчиво гладит указательным пальцем свой рот.

– Наташа, вы не любите сдерживаться? – ни с того, ни с сего спрашивает он.

Голос у него ровный, но мне чудится в нём некий сексуальный подтекст, от которого у меня моментально деревенеют пальцы. В них точно накапливается ток: тягучий, жидкий, вязкий. Но я передёргиваю плечами.

– Вы первым начали, – напоминаю я. – А я всего лишь хотела сказать, что я могу делать то, что можете вы. Ну или то, что вам хочется...

Пауза. Сообразив, что я несу, вспыхиваю от смущения.

– Простите, – сглотнув, извиняюсь я.

– За что? Наоборот, вы приятно меня удивили. – Васильев насмешливо изгибает уголок губ.

Вот теперь я точно злюсь.

– К тому же, коэффициент IQ у меня, как у вас, – бросаю ему в лицо я и моментально понимаю, что это была моя самая большая ошибка – чудовищный прокол, в сравнение с которым не идут ни мои снятые туфли, ни моё мокрое рукопожатие, потому что Васильев мгновенно преображается. Исчезает расслабленность позы, а смешливые огоньки в синих глазах превращаются в ледяные глыбы. Вот тут-то до меня и доходит, что обладатель этих синих глаз совсем не благодетель, а безжалостный противник. Приятный в общении человек, с которым очень опасно ссориться.

– Какие требования предъявляются к телекоммуникационным системам «Васимир»? – чеканит Васильев.

– Что? – от неожиданности я моргаю.

– Вы слышали. Отвечайте, не раздумывая. Вы должны это знать.

– Вот как? Ладно. – Поудобней устроившись на стуле, начинаю объяснять, что «VASIMIR» – это электромагнитный плазменный ускоритель, который использует радиоволны для ионизации, но договорить мне Васильев не даёт.

– Что входит в список периферийных устройств, которые используются в микропроцессорах?

– Универсальные цифровые порты, интерфейсы ввода-вывода, – невольно подлаживаясь под его быстрый темп, рапортую я. – А ещё...

– Стоп. Как передаётся информация, полученная с телеметрических сенсоров спутников?

«Мы что, в слова играем? В „крестики-нолики“? В игру „кто кого“?»

– По радиоканалам в режиме реального времени – или накопительно, – режу я.

– В моём департаменте тридцать мужчин и всего две женщины. Возраст специалистов – от двадцати четырех до пятидесяти пяти. Как вы в свои двадцать восемь собираетесь ставить им задачи? Как вы вообще собираетесь контролировать этих людей?

«Так, всё понятно: великолепный Александр Владимирович взбесился, потому что я посмела сравнить себя с ним!»

Гордость, самообладание и умение держать удар – вот три моих лучших качества.

– Александр Владимирович, у вас когда-нибудь был персональный помощник? – прищуриваюсь я.

– Предположим, – помедлив, отвечает он, – а что?

– И где он – или она – теперь?

– А вам какая разница? – теперь и Васильев узит глаза.

– Сейчас поясню... Скажите, вы без своей секретарши хорошо справляетесь, или вам всё-таки было лучше, когда вы с ней работали?

– Я не понимаю, к чему вы клоните! – В голосе мужчины прорезается раздражение.

– А вот к чему, – я резко подаюсь к Васильеву через стол. – Во-первых, я – не ваш секретарь. И не девочка на побегушках. И сюда я пришла не развлекаться. Поэтому, когда – или *если* я! – приду на работу в вашу Контору, вы представите меня своим подчинённым как своего заместителя. И обязательно скажете им, что это вы выбрали меня – вы, а не Тарасов! – потому что вы очень хотели со мной вместе работать. И что вы мне доверяете... Всё остальное делают еженедельные совещания, на которые вы будете меня приглашать... даже если они будут проходить в курительной комнате – или на крылечке... А насчёт моего вопроса... К вашему сведению, эффективность работы начальника доказывает не то, как его подчинённые работали вместе с ним, а то, как они работали без него. А ваши люди в случае вашего... э-э... скажем так, незапланированного отпуска будут работать со мной с теми же результатами, которые они показывали у вас.

– Вы полны иллюзий... или сюрпризов, Наташа? – Васильев ставит на стол локоть, прикрывает рот указательным пальцем и глядит на меня.

– Ах, вы тут? Уже начали? Без меня? – прекращает дуэль наших глаз еле слышимый голос. Васильев и я вздрагиваем, как по команде, почти синхронно поворачиваемся к дверям, в проёме которых «нарисовался» Вячеслав Андреевич Тарасов (полные губы, седые брови, тесный костюм, обтягивающий его круглый живот-копилку).

– Наташа, – Тарасов ласково кивает мне и переводит неприязненный взгляд на Васильева. – Саш, а ты чего так рано Наталью Борисовну на собеседование вызвал? Неужто, хотел без меня обойтись? – Теперь голос Тарасова просто сочится мёдом.

– Доброе утро. Откровенно говоря, да, – лихо режет Васильев. От неожиданности Тарасов выдавливает из себя нечто, напоминающее смешок, но я замечаю, что морщинки вокруг его лисьих глаз становятся глубже и резче:

– Ну и как, подходит тебе Наташа?

– Ещё как. Умная, молодая... и беспринципная.

– Что? – ахаю я.

– Всё нормально, – Васильев поднимается со стула. – Не берите в голову: это не оскорбление, а комплимент, – кидает он мне небрежно. – А вам, Вячеслав Андреевич, я не просто признателен, а премного благодарен. Да, я беру Павлову к себе. Кстати, тесты на знание предметной области ей проходить не требуется. Ваша... гм, протеже знает всё, что мне нужно. Или – что нужно вам.

Тарасов моргает и, явно не зная, что сказать, кивает Васильеву. Тот поворачивается ко мне:

– А с вами я не прощаюсь. Завтра к девяти жду вас в офисе.
– Спаси... – хочу поблагодарить я, но мой голос падает, потому что в его глазах мелькает откровенная злость, а я холодею. До меня наконец-то доходит: я только что нажила себе смертного врага. И этот враг сумел «прочитать» меня».

6.

«Часа через три после общения с Тарасовым (который сорок минут убеждал меня поладить с Павловой, ввести её в коллектив и понемногу переложить на неё управление стратегическими проектами), обретаю себя в небольшом домашнем кафе, спрятанном под громозвучной вывеской «Итальянский дворик». Напротив меня сидит Ленка, которая увлечённо наматывает на вилку нитку спагетти. Я вяло ковыряюсь в «Цезаре».

– Саш, ты после общения с Тарасовым и этой девицей сам не свой, – Ленка откладывает вилку в сторону и накрывает ладонью мою руку. – Слушай, ну в конце-то концов, у этой Павловой ещё испытательный срок будет. – Палец Лены ловко забирается под отворот моей манжеты. – Завали ты её работой. А потом выгони. Подумаешь, Тарасов за неё, ха! У тебя ребята не шёлковые, и к ним ещё подход нужно найти. Ну, сколько выскочек мы с тобой уже выставляли за дверь, вспомни?

– Лен, ты что, правда ничего не понимаешь? Или так, прикидываешься? – Не сдержавшись, швыряю вилку в надоевший салат. – Неужели тебе даже не приходит в голову, что Тарасов взял эту Павлову не просто так? Он же хочет с её помощью избавиться от меня.

– У тебя паранойя, – смеётся Ленка. – Кто ты – и кто она?

– Не веришь? Ладно, суди сама. – Я откидываюсь на спинку стула. – Резюме Павловой ты видела. У нас с Павловой опыт схожий? Направление деятельности, карьерный рост, вехи перехода с должности на должность? Ничего не напоминает?

– Ну да, – подумав, соглашается Ленка, – тебя напоминает. Ну и что? Павлова же моложе.

– Шесть лет – не разница, Лен. К тому же, женщины быстрее взрослеют.

– Ну да, – помедлив, повторяет Ленка.

– Не «ну да», а так и есть. И ты думаешь, что эта девица не способна одна сделать тендер? Не подобьётся к моим подчиненным, не споётся с Тарасовым, который, судя по всему, уже ест с её рук? И не наладит работу с выделенной ей группой у «смежников»?

– Ну значит, тогда надо решать эту проблему по-другому. – Ленка начинает гладить внутреннюю сторону моей ладони. Морщась, отдёргиваю руку:

– Может, уже хватит, а?

– Знаешь, Саш, – Ленка оскорблённо поджимает губы, – мне, конечно, далеко до твоей Павловой с точки зрения IQ – или чем вы там у себя в ИТ хвастаетесь – но я очень советую вспомнить, что я – за тебя. И я тоже кое-что могу.

– Ну и что же ты можешь? – с иронией осведомляюсь я. – Поставить Тарасову ультиматум: либо ты и я, либо он и Павлова?

– Хорошая мысль, жаль только, что не пройдёт... Слушай, Саш, а перетяни Павлову на свою сторону.

– Это как?

– Васильев, ну ты же сам видел, как она на тебя смотрит.

– Видел... – Я морщусь. Да, я хорошо помню выражение в светло-голубых глазах – ищущее, трепетное. Точно женщина кричит: «Посмотри на меня!» Или шепчет: «Прикоснись ко мне».

– Вот и поухаживай за Павловой. Как в «Служебном романе», – заканчивает свою мысль Ленка.

Пауза.

– С ума сошла? – холодно спрашиваю я. – Лен, опомнись. К тому же, прости, я не всем даю. Это с тобой мы по старой памяти ещё кувыркаемся... всё никак остановиться не можем. А что касается Павловой, то извини, но я столько не выпью.

– Выпьешь. Если нужно будет, то выпьешь и ещё нальёшь, – Ленка в хищной улыбке показывает острые белые зубки, – потому что либо ты эту Павлову, либо она тебя.

– М-м, отличная идея, – устало отзываюсь я. – А потом что? Поухаживать за Тарасовым? И с ним переспать?

– Пять баллов, – Ленка хохочет.

– Не смешно, – огрызаюсь я. – Ты хоть представляешь, что будет, если весть о моих ухаживаниях долетит до Лизы?

– А ничего не будет, – оборвав смех, вредным голосом отзывается Ленка. – Ну, поорёт твой Лизон на тебя, а потом успокоится. Ей же замуж за тебя хочется. Так что проглотит твой очередной скок в бок, не переживай.

– Лен, это гадость.

– Да иди ты нафиг, Васильев, – раздражённо машет рукой Ленка. – Я с ним как с человеком, а он: «не моё», «не хочу» ... «не буду», «не дам».

– Так, ты наелась или ещё десерт будешь? – Я ищу взглядом официанта.

– Нет, десерт я не хочу. Меня другое интересует. – Ленка интимно наклоняется ко мне. – Ты помнишь, что ты мне должен?

– Помню.

«Можно подумать, ты дашь мне забыть!»

– Так вот: этот месяц я, так и быть, потерплю, чтобы не открывать тебе второй фронт, а ты, Васильев, попробуй очаровать эту Павлову. Дальше – по обстоятельствам. И плюнь на свои принципы, слышишь? Плюнь или проиграешь.

Договорив, Ленка торжествующе бросает на стол салфетку и вскакивает на ноги. Я кладу на стол две зелёных купюры, поднимаюсь из-за стола, прячу лицо от Ленки, делая вид, что я ищу свою куртку. Мало того, что сейчас моя гордость агонизирует в корчах – гораздо хуже, что Ленка абсолютно права, и у меня, похоже, действительно нет иного выхода.

– Ну так что ты надумал? – Ленка надменно изгибает бровь.

– Не знаю, – качаю головой. – Если честно – противно... Но я... я попробую.

– Аллилуйя, Васильев!»

Глава 2

*Таких, как я, больше нет. Я один в своём роде.
Джордж Мартин, «Битва королей»*

6 сентября 2016 года.

1.

«Боже мой, я и забыла, какое это тяжкое испытание – выходить на новую работу, где ты никого не знаешь, где коридоры между кабинетами представляются тебе одним сплошным лабиринтом, общение с сотрудниками – хождением по минному полю, а твой непосредственный начальник возненавидел тебя с первого взгляда, о чём, безусловно, уже проинформирован весь офис. Ну, или его половина...»

Во вторник, без пятнадцати девять я переминаюсь с ноги на ногу у шлагбаума и жду, когда ко мне подойдёт девица из отдела кадров Конторы. Она должна вынести два заветных пропуска: один – для меня, второй – на парковку моей машины. Нервничая, поглядываю на часы: прошло уже пять минут, но ко мне пока никто не торопится. Ситуацию усугубляет тот факт, что я в блузке, брюках и в кедах «утюжу» у шлагбаума на виду у сотрудников Конторы, которые поглядывают на меня с тем высокомерным видом, с каким высокопоставленные служащие обычно глядят на бесправных просителей в своём, уже облюбованном и обжитом ими периметре. Через семь минут ожидания я начинаю дёргаться. Ещё через пять – злиться. Спустя три минуты моё терпение иронично машет мне ручкой и зловредно показывает язык.

Я плюю на все правила и, перекинув через плечо сумку, начинаю искать в её замшевых недрах мобильный, чтобы настучать по голове «кадровичке», её ленивой гвардии – да и всем, кто сейчас подвернётся мне под руку в её департаменте. Набрав номер отдела кадров, прижимаю трубку к уху и под ритмично раздающиеся гудки принимаюсь нетерпеливо мерить шагами пространство перед шлагбаумом. На седьмом гудке мой звонок автоматически сбрасывается. Чертыхнувшись, упрямо нажимаю на повторный звонок, разворачиваюсь, готовясь снова измерить шагами ширину проезжей части. Слышу резкий шорох колёс и краем глаз замечаю серебристый капот автомобиля, вынырнувший неизвестно откуда, но каким-то чудом успевший замереть всего в паре сантиметров от моего бедра.

– А-ай! – Отскакиваю, в душе воздав должное выдержке водителя, который успел затормозить и не обложил меня матом. Пытаясь отдышаться, смотрю на капот и эмблему автомобиля. Это – круг, разделённый на два синих и два белых сектора, напоминающий пропеллер самолёта и кусочки неба, проглядывающие через вращающиеся «лопасти».

«Знак „БМВ“ ... Васильев?»

Поднимаю глаза и натываюсь на мрачный взгляд тёмных, как грозовое небо, глаз. Из открытого окна машины доносится хриплый голос Garou: «Gitan, je rêvais enfant». Невольно сглатываю, моя рука сама собой убирает телефон за спину, а Александр Владимирович, видимо, выключает МП-3, потому что мелодия обрывается.

– Доброе утро, – вежливо, но независимо здороваюсь я. – Простите, я не хотела.

– Ничего... Доброе, – помедлив, Васильев кивает, после чего оглядывает меня с головы до ног и задерживается взглядом на моих новеньких кедах. – Прогуливаетесь перед работой? – с плохо скрываемой иронией спрашивает он, указывая подбородком на мою обувь.

– Я здесь пропуск жду! – огрызаюсь я.

– Понятно. И как давно ждёте?

– Ну, минут пятнадцать.

Наш бесценный по содержательности диалог прерывает звук шин подъехавшей сзади машины. Сообразив, что я мешаю уважаемому начальнику миновать шлагбаум (и меня), отступаю в сторону. Васильев в очередной раз окидывает взглядом мои кеды и жёлтую, как подсолнечник, сумку, которая, на мой взгляд, неплохо сочетается с белым хлопком блузки и гладким светло-бежевым льном моих узких брюк.

– Садитесь, – тяжело вздохнув, неожиданно предлагает он.

Моё лицо вспыхивает от удовольствия, но я качаю головой слева направо, как это делают все люди, когда хотят сказать «нет».

– Садитесь, быстрее до Конторы доберётесь. К тому же, мы мешаем другим людям, – повторяет Васильев, однако я не слышу в его тоне ни радости, ни уверенности в том, что его предложение правильное.

– Александр Владимирович, я... – начинаю я, прекрасно понимая, что всемогущий хозяин ИТ-департамента не горит желанием пускать меня в святые святых – салон своей чудомашины.

– Да садитесь уже! – В голосе Васильева прорезается сталь, а во мне просыпается самолюбие. Вздёрнув вверх подбородок, независимо помахивая сумкой, обхожу «БМВ», дёргаю на себя дверцу и ввинчиваюсь в мягкое серое сидение. В машине пахнет новенькой кожей салона.

– Спасибо. Мне ремень накинуть?

– Как хотите.

– Тогда не буду, – сообщаю я, представив, как вызывающе будет смотреться моя грудь, туго перетянутая ремнём.

Бросив на меня короткий взгляд, Васильев передвигает рычаг коробки передач в положение «D». Машина делает резкий рывок вперёд, а меня буквально вжимает в сидение. Я ахаю и прижимаю к груди свою сумку. Васильев тихо фыркает, а до меня доходит, что он сделал это нарочно.

Остаток пути мы преодолеваем в неприязненном молчании, которое, кажется, можно потрогать руками. Но есть ещё кое-что, что сейчас не на шутку беспокоит меня. Дело в том, что, невольно подавшись к Васильеву, я начинаю ощущать тепло его тела. Вчера, на собеседовании я впервые почувствовала то странное влияние, которое он оказывает на меня, а сейчас, когда мы находимся всего в паре сантиметров друг от друга, я чувствую жар его плеча и бедра, и впитываю этот жар каждой клеточкой тела.

«Это неправильно. Так – нельзя».

Отодвинувшись на безопасное расстояние, принимаюсь изучать двор и крыльцо, на котором топчется живописная, примеченная мной ещё вчера, хохочущая «семёрка» сотрудников. При виде «БМВ» начальника подчинённые подбираются, но на их лицах по-прежнему играют дружелюбные улыбки. Белобрысый Вадим приветственно машет рукой, от толпы отделяется «кадровичка» и готовится сбежать вниз по ступеням крыльца.

«Так вот почему я не дождалась своего пропуска, – злобно думаю я. – Леночка решила покурить, встретить Васильева, а потом уже самолично идти за мной».

Недовольно поджимаю губы. Васильев разворачивает машину, чтобы вписаться в свой «vip»-карман. Паркуется он профессионально: не выгибается назад, нелепо вцепившись одной рукой в руль, а второй обхватив спинку сидения – он, почти не меняя позы, водит глазами по боковым зеркалам. Когда Александр Владимирович чуть-чуть поворачивает голову, до меня доносится его запах: мята, лёгкий, еле ощутимый аромат хорошего табака и приятный парфюм, названия которого я не знаю, но невольно втягиваю в лёгкие. Кончики моих пальцев-предателей тут же наливаются вязкой тяжестью. Раздражённо сворачиваю ладонь в кулак.

«Я не хочу это чувствовать».

– Иногда, – доносится до меня.

– Что «иногда»? – Поворачиваюсь и утыкаюсь взглядом в профиль Васильева.

– Иногда я курю, – сообщает Васильев, обнаружив жутковатую способность читать мои мысли. Я разглядываю край его высокого, с небольшими продольными морщинками, лба, дугу чёрной брови очень красивого рисунка, зеркальную поверхность глаза в россыпи негустых, но длинных чёрных ресниц. Ореол радужки, тонущей в небесно-синем цвете. Нос с тонкой горбинкой. И наконец точеные губы.

«Мужчина просто не имеет права быть таким красивым», – мелькает в моей голове.

Васильев ставит рычаг машины в положение «паркинг», отстреливает кнопкой ремня безопасности:

– Выходите, мадемуазель Павлова. Vous êtes arrivés. Вы уже приехали.

«А он не очень-то вежлив, несмотря на свою любовь к изящному и французскому», – с досадой думаю я, вспоминая приятные манеры «френчей», частенько навещавшихся к нам в «Микрософт». Ещё бы: французы всегда открывали мне дверцу, подавали мне руку.

«А для Васильева ты не дама, – ёрничает моё подсознание. – Ты для него подчинённая – мадемуазель, которую ему навязали. И служащая, которую он не воспринимает как женщину».

Последняя мысль заставляет меня приуныть и чуть резче, чем надо, распахнуть дверцу.

Я ставлю ноги на асфальт. Васильев выбирается из автомобиля, а мой взгляд падает на крыльцо Конторы. Очень странно, но застывшая там «семёрка» сейчас не улыбается. Более того, мужчины и девушки недоуменно таращатся то на меня, то на Александра Владимировича. Наше появление не смущает только нахальную «кадровичку».

– Саша, привет! – томным голубем воркует она.

Впрочем, надо отдать «Ленку» должное: в этот раз свои губы к Васильеву она не тянет, но в глазах у неё я вижу то самое выражение, с которым женщины обычно тянутся к симпатичному котёнку или щенку, складывая губы в умильном сюсюканье.

– Привет, Ленок, – помахивая брелоком от «БМВ», небрежно усмехается Васильев. – Ты почему моего нового зама не встретила? Пришлось провозить её через бюро пропусков, как... ручную кладь.

Люди на крыльце неуверенно фыркают. Я вспыхиваю от злости, а раздосадованная «кадровичка» поворачивается ко мне:

– Наталья, а разве мы с вами не на девять утра договаривались?

– Нет, мы с вами договаривались на без пятнадцати девять утра. Я приехала вовремя... Здравствуйте, – киваю «шестёрке», замершей на крыльце в ожидании шоу.

– Но у меня встреча с вами записана на девять утра, – упорствует Ленок, поглядывая в сторону Васильева, точно мы с ней – спарринг-партнёры, а он – рефери. Не обращая внимания на её взгляды (и призывы о помощи), Васильев преспокойно поворачивается к женщине спиной и в два шага преодолевает все четыре ступени крыльца.

– Саша, – звонко и требовательно окликает Васильева женщина, – ты помнишь, я вчера как раз при тебе звонила Наталье, чтобы договориться о встрече?

– Лен, – устало оборачивается Васильев, – разберитесь сами и без меня, хорошо? И кстати, что с кабинетом Павловой?

– Он готов. – «Кадровичка» кровожадно щёлкает челюстями.

– М-м, отлично... Шевелёв, заканчивай курить, пошли в офис, расскажешь, что у нас на заводе в Калуге.

Последнее обращено к плотному блондину, которого, как я уже знаю, зовут Вадим. Мальчишка торопливо затягивается и метким щелчком отправляет окурок в урну:

– Готов.

– Всем остальным напоминаю, что в девять тридцать у нас совещание в переговорной четыреста пять. – Отдав новый приказ, Васильев находит меня глазами. – И вы, кстати, тоже

приглашены: посмотрите на людей, с которыми вам предстоит работать. А заодно, расскажите им о себе.

Закусываю губы (не мог раньше сказать? Я бы хоть подготовилась!). «Кадровичка» злобно узит зеленые глаза, толпа дружно кивает, а Васильев и Шевелёв исчезают в стеклянных дверях центрального входа Конторы».

2.

«Чёрт бы побрал это утро. Чёрт бы побрал Ленку. И чёрт бы побрал «балерину», которую я непонятно зачем любезно подобрал к крыльцу!

Перебирая мысли в своей голове, в пол-уха слушаю комментарии Вадима относительно новой производственной линии, которую месяц назад самолично присмотрел и – как это ни странно сейчас прозвучит! – удачно выбрал Тарасов.

День сегодня не задался с самого утра. Будильник, заведённый на семь, проскрипел «подъём» в полвосьмого. Наскок «Лизон» на меня в ванной привёл к тому, что мне в очередной раз, буквально на пальцах, пришлось объяснять ей, что я опаздываю в офис и поэтому к сексуальным утехам не расположен. На рубашку попал кофе из пресса и пришлось подбирать другую. Выкатившись во двор, потратил десять минут на то, чтобы найти хозяина «Мицубиши», запершего мою машину. Вечная пробка на Кржижановского и невозможность объехать затор по трамвайным путям (что я бы не преминул сделать на старом, добром «ровере», бывшем у меня ещё две недели назад) привели к тому, что я влетел в периметр перед шлагбаумом в две минуты десятого и чуть не сбил с ног пританцовывающую там Павлову.

Странно, но сначала я её не узнал: «балерина» стояла спиной ко мне, и я невольно сделал стойку на две стройные, облепленные тонким льном, ножки. Очарование рассеялось, когда хозяйка обворожительной нижней части своего тела, испуганно взвизгнув, отскочила назад, повернулась, и передо мной возникло белое некрасивое лицо с бледно-голубыми глазами. От непредвиденной встречи (и неведомо откуда пришедшего ко мне чувства вины) я завязал никчёмный разговор, в результате которого и усадил Павлову в свою машину. Стараясь избавиться от раздражения, слишком резко нажал на газ и поймал на себе ищущий взгляд «балерины». Ощущение, что рядом со мной сидит не просто мой новый зам, не безликая сотрудница, а – женщина, было настолько неожиданным, что я вздрогнул и замолчал. И только загнав «БМВ» в парковочный «карман», избавился от наваждения и от души оторвался на Ленке. А зачем, спрашивается? Ведь Ленка всегда была за меня, а «балерина» – нет. Павлова всегда будет против.

– ... платы для микропроцессоров – и Павлова, – возвращает меня на землю голос Шевелёва. Очнувшись перед дверью собственного кабинета (и когда это мы успели дойти?), поворачиваюсь к Вадиму:

– Что ты сказал? Прости, я отвлёкся.

– Я говорю, что завтра я хочу съездить в Калугу и захватить с собой Наталью Борисовну, чтобы показать ей нашу будущую производственную линию, – безмятежно повторяет мой первый зам.

– Какую Наталью Борисовну? – не понимаю я.

– Павлову, – поясняет Вадим.

– М-м, понятно. А зачем она тебе на заводе нужна?

– Ну, Наталью Борисовну ведь надо ввести в курс дела? Ей же тендер готовить?

Информированность Шевелёва иногда не то, что удивляет – она убивает наповал. К тому же, мой первый зам восприимчив, ретив, любопытен и любит со мной откровенничать.

Про себя я называю Вадима «придворным интриганом», что не мешает мне ценить его лучшие качества: любознательность, ум. И преданность.

«Главное, преданность!»

– Не знаю. Я подумую. Сейчас не готов ответить. – Я роюсь в карманах, в поисках ключа от кабинета.

– Но я так понял, вы хотите, чтобы Наталья Борисова быстрее влилась в коллектив? – осторожно замечает Вадим.

Принимаюсь копать в замке двери, а заодно, и размышлять, что с точки зрения дела Шевелёв, безусловно, прав. И хотя пускать настырную «балерину» на исконно мужскую территорию (завод, техника, грязь, рабочие) мне абсолютно не хочется, есть одна вещь, которая ставит ощутимую гирьку на чашку весов «за»: командировка на завод займёт полный рабочий день. А это, в свою очередь, означает, что я не увижу в офисе женщину, которая – чего уж скрывать! – второй день одним своим видом выводит меня из себя.

– Хорошо, – в конце концов, соглашаюсь я. – Так и быть, бери с собой Павлову. Только помни, что она пока на испытательном сроке, так что не стоит сразу открывать ей все наши карты. М-м?

– Так точно. А мне сказать Павловой про командировку или вы ей скажете? – веселит Вадим.

– Сам скажу. – Прохожу в кабинет. Шевелёв бросает взгляд на часы и растворяется в недрах коридора.

Через пятнадцать минут, предварительно развесив на кресле мятый пиджак и поправив галстук, закрываю дверь кабинета и отправляюсь в переговорную, куда стекаются сотрудники моего департамента. Киваю сослуживцам, встреченным в коридоре, жму руки мужчинам, улыбаюсь девушкам, отвечаю на вопросы, соглашаюсь назначить время для отдельного совещания или перенаправляю алчущих незапланированной встречи со мной к Шевелёву. В итоге, ровно в девять тридцать прибываю в наш учебный класс (по совместительству – переговорную с тремя десятками стульев, расставленных по типу «театр»). Последние сотрудники, протиснувшиеся в комнату следом за мной, пытаются скрыть от меня чашки с кофе и виноватыми улыбками дают мне понять, что для раннего совещания они пока не проснулись.

– Вадим, дверь на ключ, – требую я. В образовавшуюся щель успевают занырнуть два оборота с мобильными. Игнорируя их виноватое «здрасьте!», я шагаю на импровизированную сцену, обозначенную плазмой и столом с компьютером. Мысленно пересчитываю всех своих «кадров» по головам (все тридцать две подчинённые мне души, как ни странно, на месте) и начинаю рассказывать, что ожидает нашу группу на этой неделе. Обрисовываю новые задачи, разбиваю людей на команды с точки зрения эффективности взаимодействия. Кто-то старательно чирикает карандашом в блокноте, кто-то стучит пальцем по клавиатуре «планшетника». Кто-то глубокомысленно кивает, кто-то делает вид, что слушает – в общем, всё как всегда, за исключением одного: на стуле в первом ряду приткнулась «балерина».

Закончив предварительную часть, я уступаю место Вадиму. Шевелёв откашливается, делает лицо первого заместителя очень большого начальника и рапортует о готовности тестовых образцов плат микропроцессоров, после чего поднимает на меня искательный взгляд, в котором я читаю: «Кто представит людям Павлову?» Вот тут-то я и выступаю вперёд.

– Коллеги, – сую руки в карманы брюк, – как многие из вас уже знают, у меня появился ещё один заместитель. Наталья Борисовна, не могли бы вы показаться сотрудникам?

Сообразив, что за первой переменной блюд (моё выступление и отчёт Вадима) последует очередь десерта (роль которого сейчас отводится ей), Павлова вгрызается в свои вишенки-

губки. Встаёт со стула, кивает сотрудникам и собирается снова нырнуть в спасительный ряд кресел.

– Нет, нет, идите сюда, к нам, – с наигранным дружелюбием предлагаю я и показываю подбородком на место справа от себя. – Расскажите о себе. А мы с удовольствием вас послушаем.

Пока Павлова со скоростью улитки ползёт в «круг почёта», я ретируюсь и с удовольствием усаживаюсь на ещё тёплом после неё стуле.

– Хорошо, – несчастная жертва собственного самолюбия (ага, я ещё не забыл её нахальные требования, выдвинутые мне на собеседовании!) обводит любопытные лица моих сотрудников блестящими голубыми глазками, косится на свои нелепые кеды и встряхивает головой.

– Клёвые ножки, – звучит позади меня игривый шёпоток одного из оборотов.

– Точно, – вторит ему второй балбес, – я бы ей вдул.

Пауза. После чего позади раздаётся сдавленное хихиканье. Павлова вытягивает шею, пытаясь расслышать ремарку. Вадим бледнеет. Я вытягиваю руку назад, за спинку стула, на котором сижу, складываю кулак, и идиотские смешки стихают.

– Простите, Александр Владимирович, – откашлявшись, шепчет мне оборот справа.

– Мы вас слушаем, Наталья Борисовна, – милостиво произношу я, вальяжно закидываю ногу на ногу и возвращаю руку на колено. Кинув на меня быстрый, изучающий взгляд, Павлова тяжело вздыхает и вдруг преображается: вытягивается в струнку, одним ловким движением засучивает манжеты на ручках и суёт ладони в карман брюк, практически точно воспроизведя мою позу.

«А она вообще-то ничего, – с удивлением отмечаю я, – не Бог весть, конечно, но – ничего... По крайней мере, людям не стыдно показывать».

– Павлова Наташа. Ко мне можно на «ты». Мне двадцать восемь. Закончила Бауманский. Первое место работы – компания IBM. Второе – «Микрософт». Последние три года работала в исследовательском центре, занималась стратегической разработкой продуктов для телекоммуникационных компаний. В активах... – далее звучит описание стратегических линеек, глобальных партнёрских программ, продуктовых флагманов и инновационных систем для компаний. Своё выступление Павлова заканчивает фразами «проводила аналитические исследования», «определила портфель решений», «занималась расчётом возврата на инвестиции».

– *Ничё себе*, – с уважением тянет оборот позади меня.

– Крутышка, – вторит ему балбес слева.

Шевелёв улыбается и из-за спины показывает мне большой палец. Я закатываю глаза. Заметив это, Павлова встряхивает головой.

– И наконец, зачем я понадобилась Александру Владимировичу, – звонким голосом начинает она. – Прежде всего, я нужна здесь из-за тендера. Не буду скрывать: информацию о проведении конкурса генеральному директору вашей Конторы, Тарасову Вячеславу Андреевичу, дала я, а присутствующий здесь Александр Владимирович предложил мне возглавить группу, которая займётся конкурсом.

В переговорной воцаряется просто мёртвая тишина. А я ощущаю себя на месте человека, у которого из-под ног внезапно выдернули ковёр. «Почему?» – спросите вы. А очень просто: «балерина» только что просветила меня, а заодно и всех окружающих, отчего она так приглянулась Тарасову.

– То есть тендер, от которого у нас уже месяц как голова болит, это ваше детище? – сквозь шум, назревающий в моих ушах, доносится до меня голос Вадима.

– Ну, можно и так сказать, – усмехнувшись, Павлова пожимает плечами. – И кстати, если уж на то пошло, то именно я обратила внимание Вячеслава Андреевича на завод в Калуге. Про-

сто у них именно та производственная линия, которая соответствует требованиям конкурса. Плюс опыт в выпуске плат для микропроцессоров. Вот.

«...м-мать. Так Павлова ещё и здесь наследила?!»

– Офигеть, – доносится до меня уважительный голос одного из балбесов.

– Обычное дело, – «балерина» весело улыбается и благосклонно кивает моим ошарашенным сотрудникам. – К тому же, я никогда не видела смысла скрывать внутреннюю кухню от людей, с которыми мне предстоит работать. Мы же одна команда. М-м?

Я теряю дар речи, зато Вадим уважительно качает головой и ни с того ни сего принимается хлопать. К аплодисментам присоединяется добрая половина коллектива, люди тихо переговариваются, но в общем тоне превалирует нотка почтительного удивления от того, что в команде появился новый сотрудник – успешный стратег и герой, готовый повести нас к светлому будущему.

Общую радость, как вы уже поняли, не разделяю только я. Более того, если бы сейчас у меня из головы торчала труба, из неё бы уже дым валил. Но пока единственное, что я могу сделать, это надеть маску добродушного Деда Мороза. Игнорируя возбуждённые взгляды сотрудников, на негнущихся ногах подношу себя к импровизированной сцене, на которой, преспокойно завернув ногу за ногу, стоит это бледнолицее чудовище, только что «уделавшее» меня во второй раз.

– А как войти в команду по проекту? – между тем хором спрашивают обормоты.

– И как будет организована работа по тендеру?

– А что?..

– А где?..

– А когда?..

– А этим занимательным вопросам мы посвятим отдельное совещание, – режу я, и мои ретивые подчинённые затыкаются. – Вадим, ты ко мне в кабинет через пятнадцать минут. Нет, лучше через двадцать... а с вами, уважаемая Наталья Борисовна, мы поговорим прямо сейчас. – Разворачиваюсь на каблучке и, приказывая себе «держаться» лицо, устремляюсь к выходу из переговорной».

3.

«Всё. Доигралась. Сейчас он укусит меня. Или, вообще, удавит. Или по стенке размажет...»

Мысли в моей голове несутся вскачь, пока я вприпрыжку следую за Васильевым. Шагает он размашисто, мышцы спины под белой рубашкой зловеще напряглись, но при этом Александр Владимирович каким-то чудом ухитряется вежливо, хотя и коротко, отвечать на приветствия сотрудников, встретившихся ему в коридоре. Добежав до стеклянной двери с безликой табличкой «400» (очевидно, это номер его кабинета, соображаю я), Васильев распахивает дверь и ждёт, пока я, заплетая ногу за ногу, вползу в его личный периметр.

Переступив через порог, оглядываюсь: два широких стола, стоящие буквой «т», увенчаны аккуратной стопкой белой бумаги и стаканам с карандашами и ручками. Два низких шкафа из тёмного дерева, с заставленными папками полками. Высокая алюминиевая вешалка. Чёрное кожаное кресло с по-хозяйски развешанным на его спинке пиджаком. Компьютерный монитор на подставке и ноутбук. Настенный календарь с красным квадратиком, отмечающим даты – и всё. Никаких постеров на стенах, никаких фотографий, никаких безделушек на шкафах – одним словом, не кабинет, а закрытый клуб для джентльменов.

– Это было назло мне? – звучит на удивление тихий голос Васильева, которому вторит щелчок замка в двери.

– Простите, а что я не так сделала? – Деловито начинаю я, разворачиваюсь – и осекаюсь, потому что из чёрных зрачков на меня выплёскивается пламя ярости. С учётом того, что лицо обычно выдержанного начальника сейчас перекошено до маски «ненависть», а губы, и без того тонкие, сжаты до узкой линии, впечатление воистину устрашающее. Вздвигнув, я отступаю в безопасный угол между шкафом и вешалкой. Васильев медленно приближается ко мне, и я ощущаю предательскую струйку холодного пота, скользнувшую между лопатками.

– В чём дело? – Стараюсь говорить спокойно, хотя безмятежность – это последнее, что я сейчас чувствую.

– Когда вы познакомились с Тарасовым? – Васильев явно пытается контролировать себя.

– Месяц назад, я как раз собиралась уходить из «Микрософт». Он к нам на конференцию приезжал, ну и я... – защищаюсь я, но разъярённый Александр Владимирович сейчас меня просто не слышит.

– Когда вы собирались сказать мне, что вы приложили руку к тендеру?

– Но я думала, вы это знаете. Тарасов...

– Когда вы планировали сказать мне, что именно вы навели Тарасова на мысль о заводе в Калуге?

– Но я думала, что Вячеслав Андреевич вас сам проинформирует!

– И какого чёрта вы рассказали об этом на совещании сразу всем, а не с глазу на глаз мне? Вы вообще понимаете, что вы только что сделали?

– А я предупреждала вас, как буду организовывать свою работу. И мне нужна команда, а не распущенные лентяи, курящие на крылечке, и...

– Что?! – Растеряв остатки самообладания, Васильев разгоняет руку и бьёт открытой ладонью по стене, рядом с моим ухом, отчего я буквально подпрыгиваю на месте. – Я здесь хозяин! Я, а не вы! И пока это так, то мне решать, что и как вы будете делать. Это понятно?

– Ладно, хорошо, – растерявшись от такого напора, киваю я.

Васильев медленно сворачивает ладонь в кулак. Его взгляд скользит по моему лицу и отчего-то скатывается к моим губам, ещё шевелящимся в нелепых извинениях. Я неловко перевожу взгляд на его рот. Секунда – и в глазах мужчины что-то неуловимо меняется. Теперь он смотрит на меня так, точно пытается понять, что у меня внутри. Словно он меня трогает. Ощущение настолько реальное, что я даже сглатываю. Васильев поднимает глаза и ловит мои зрачки в ловушку двух синих сфер. Наклоняется ближе, продолжая внимательно рассматривать меня. Напряжение нарастает, и я ничего не могу поделать с собой – я подаюсь к мужчине, как это бывает, когда ты ждёшь поцелуя.

«Господи, да я же хочу его!» – проносится в моей голове, и я холодею от ужаса, потому что это – правда. Мои глаза в страхе мечутся по мужскому лицу. «Неужели он догадался?»

Васильев прищуривается, и в его глазах появляется – нет, не желание, а любопытство. От страха и от смущения, что он раскусил меня, мои ноги подгибаются, а ногти скрюченных пальцев ищут опору и, за неимением лучшего, царапают серую стену кабинета.

– Хватит! – не выдержав его взгляда, прошу я.

– Что «хватит»? – звучит спокойное. – Разве я что-то делаю?

Моя слабость уходит вместе со звуками его голоса.

– Простите, я только хотела извиниться, – пытаюсь вернуть ситуацию под свой контроль, – но вы утром сказали, чтобы я выступила, ну и я...

– Ну и вы выступили.

Бросив на меня холодный, убийственный взгляд, Васильев убирает руку в карман и отходит в сторону, а я вылезая из угла, в который он загнал меня минуту назад. Одёргиваю блузку и делаю шаг вперёд. Брови Васильева удивлённо скользят вверх. Проследив за направлением его взгляда, я замечаю на стене три белых зигзагообразных бороздки. Это – следы на серой

краске, оставленные моими ногтями. Не зная, что сказать и что сделать, смущённо сцепляю в кольцо дрожащие пальцы.

«Чёрт с этим, – крутится в моей голове, – плевать, забудь. Тем более, что он, кажется, был в такой ярости, что вряд ли что-то понял».

Принимаюсь с преувеличенным вниманием разглядывать свои искалеченные ногти. Васильев бросает на меня короткий задумчивый взгляд. Поднимает ладонь, приглаживает волосы и, обойдя стол, усаживается в своё кресло. Опираюсь на спинку стула, придвинутого к столу-приставке, собираюсь последовать примеру начальника, но он меня останавливает.

– В общем так, Наталья... Борисовна, – Васильев обретает привычный усталый тон. – С этого дня всё, что бы вы ни собирались сказать, заявить, сделать, спланировать или... отколоть, вы будете сначала согласовывать со мной.

– «Отколоть»? – От нового унижения я обретаю голос. – Но я...

– Не перебивайте, – Васильев легко пристукивает ладонью по столу, – хватит, надоело... иначе мы никогда не закончим... Так вот, во-вторых, завтра вы отправляетесь на завод в Калугу вместе со мной и Шевелёвым.

– То есть?! – недоумеваю я.

– И в-третьих, – повышает голос начальник, – по дороге вы расскажете мне всё, что знаете об этой производственной линии. Вы, кстати, где живёте?

– Что? – Я не успеваю угнаться за ходом мыслей Васильева.

– Вы слышали, – неприятно улыбается Александр Владимирович.

– Профсоюзная, дом десять.

Васильев задумчиво барабанит пальцами по столу:

– Там, кажется, недалеко съезд на МКАД и на Калужское шоссе. Так?

– Ну да.

– В таком случае, завтра ровно в восемь мы с Вадимом захватим вас у вашего дома. Номер подъезда?

– Первый, но... В общем, спасибо, конечно, но я могу и сама до Калуги добраться. – Я пытаюсь отстоять хоть какую-то независимость.

– Судя по тому, что я уже видел, вы у нас всё можете, – складывает губы в язвительную ухмылку Васильев. – Но пока главный тут я, вы будете делать так, как удобно мне. А мне удобно действовать так... Да, кстати, я выделил вам кабинет. Номер четыреста один, он за этой стенкой... с вашими отметинами, – Васильев кивает вправо. Скрипнув зубами, сворачиваю пальцы с испорченным маникюром в кулак. – Что касается компьютера, то нужное вам возьмёте у Алтухова.

– Спасибо. Но у меня есть свой собственный ноутбук, и я привыкла...

– Да, чуть не забыл: офис – это не то место, где можно разгуливать в кедах, а понятие «casual³» в моём офисном словарном запасе пока отсутствует.

– У меня туфли в машине. – Я чувствую, как от очередного укорота у меня по-детски вспыхнуло и пошло краской лицо. – Из-за утреннего совещания я не успела переобуться, и я...

– Это всё. Больше я вас не задерживаю.

Выдав эту высокомерную фразу, Васильев поворачивается к монитору компьютера и с преувеличенным вниманием утыкается в него. Стиснув зубы, киваю и с высоко поднятой головой марширую из кабинета, правда, не забыв, как следует приложить дверь о косяк – да так, чтобы в зеркальной двери задребезжали стёкла.

«Сноб! Придурок! Козёл!»

4.

³ От англ. casual – обычный. В корпоративной практике – неформальный, более простой стиль одежды.

«Идиотка! Соплячка, думает, я не понял, чего она хотела, когда упиралась в меня взглядом своих ищущих глаз и дышала мне в губы? Ха! Всё я прекрасно понял. И будь на её месте другая, я бы уже воспользовался ситуацией. Но в Павловой воистину собрано всё, что категорически мне не нравится. А может быть, это просто не та ситуация. Или – не та женщина...

Пытаясь утихомирить разбушевавшуюся желчь, тру переносицу. Избавившись от видения «балерины» (в копилку которой я, кстати, добавил и это демонстративное хлопанье дверьми), откидываюсь в кресле. «Нет, Ленка, конечно, права, – водя указательным пальцем по губам, мрачно размышлял я. – Нужно что-то делать и делать немедленно, или же всё это плохо закончится. У Павловой что ни день, то по пять новых тузов в рукаве. А у меня против неё по-прежнему всего один козырь».

Не в силах сосредоточиться на работе, выдвигаю нижний ящик письменного стола, где у меня припрятана спасительная пачка «Newport». От поиска благословенного никотина, возвращенного на санкционной почве, меня отвлекает стук в дверь.

– Да, – выглядывая из-под столешницы, отзываюсь я. Дверь распахивается и между ней и косяком возникает белобрысая шевелюра Вадима:

– Можно?

– М-м, входи. – Указываю подбородком на стул. Шевелёв опускается в удобное полукресло.

– Ну и ахтунг вы учинили! – по-свойски ухмыляется он.

– В смысле? – выныриваю из ящика с пачкой сигарет.

– Да народ гудит после совещания: шеф, говорят, у нас просто полон сюрпризов. Мало того, что нашёл себе в заместители даму, которая удружила нам с тендером, так вместе с ней ещё и откопал подходящий заводик в Калуге.

– Правда?

Не замечая моей иронии, Вадим улыбается:

– Правда, правда. А знаете, когда вы утром привезли Павлову в Контору, я так и понял, что это неспроста... а потом это совещание – и бам, всё встало на свои места. А она вообще умная, эта Павлова. И внешне тоже ничего.

– Она что, тебе нравится? – от души поразился я.

– Да. Если честно, она мне очень понравилась, – серьёзно кивает Вадим и замолкает, изумлённо косясь на стену, изукрашенную ногтями Павловой. Я делаю невозмутимое лицо. Вадим, подумав, делает вид, что ничего не заметил.

– Наташа народу приглянулась, – старательно отводя глаза от стены, продолжает он бодро. – Кстати, наша «шестёрка» под управлением Алтухова сейчас пойдёт к ней знакомиться. А заодно и технику ей принесёт... Вот сейчас... Слышите? – Вадим поднимает вверх палец, кивает в сторону стены, из-за которой раздаётся стук двери, неясные голоса и дружный взрыв смеха.

– Похоже, срослось, – жизнерадостно улыбается Вадим. – Это они её на обед приглашают, – заметив моё недоумение, любезно поясняет он.

Моё настроение, и до этого бывшее на нуле, стремительно опускается до критически-низкой отметки. Ставлю локти на стол, опираюсь подбородком о кулак, разглядываю Вадима, который, не ведая о моих сложностях, продолжает вбивать в крышку моего гроба всё новые и новые гвозди:

– А вы с нами на обед пойдёте? Или вы как обычно?

– А я вам с Павловой не помешаю? – всё-таки не удержался я.

Вадим растерянно моргнул. Я, пряча от него глаза, поднимаюсь из кресла. Сую в рот сигарету, бросаю на стол пачку. Хлопаю себя по карманам в поисках зажигалки. Вадим услужливо протягивает мне жёлтый «Крикет».

– Спасибо. – Делаю затяжку и вытягиваю лист из стопки бумаги. Свернув его кульком для импровизированной пепельницы, бросаю на стол. Шевелёв, косясь на кулёк, начинает хлопать себя по карманам.

– Бери мои, – киваю на пачку «Newport», – и давай вернёмся к нашим насущным проблемам. Значит, так... во-первых, к шести вечера я хочу получить информацию по серверам для центра компетенции. Во-вторых, к завтрашнему утру у меня должны быть все наши сертификаты с курсов. В-третьих, уйми, наконец, своих оборотов, я тебе в последний раз говорю.

– Каких оборотов? – пугается Шевелёв.

– А я про ту парочку, что сегодня на совещании, на втором ряду красовались. Алтухов и Фёдоров. Кстати, твои дружки... Спасибо Ленке, которая за вами присматривает, дай Бог ей здоровья, – язвительно продолжаю я, и Вадим краснеет, как школьник. – Разберись наконец со своими друзьями, я тебе серьёзно говорю. Что хочешь делай, можешь даже «скворечники» им самолично позабавить, но, чтобы я больше не слышал ни про «вдуть», ни прочие... гадости.

– Простите, – Вадим неловко прячет глаза.

– «Простите»? Не департамент, а сборище похотливых муда... гм, идиотов, – злюсь я. – И эта ещё туда же: «Я буду ими руководить, я знаю, как с ними управиться», – передразниваю я Павлову. Перехватив ошарашенный взгляд Шевелёва, чертыхаюсь. – Записывай порядок дел, а то опять забудешь... В-четвёртых, завтра ровно в семь утра ты вместе с сертификатами подъезжаешь к моему дому. За полчаса мы обговариваем, что делаем на заводе. В-пятых...

Сообразив, что обед в компании Павловой ему сегодня не светит, Шевелёв перестаёт улыбаться. Быстро тушит окурочек в импровизированной пепельнице, тянет к себе лист бумаги, достаёт из кармана «Паркер» и, тяжело вздохнув, начинает записывать за мной.

– В-пятых: в восемь утра мы с тобой забираем Павлову у её дома. Едем в Калугу втроём. Ты, я и она. На мне.

– Что? – ошарашенно выдыхает Шевелёв.

Прищуриваюсь:

– Ты слышал.

Через пятнадцать минут Вадим аккуратно складывает исписанный лист, прячет его в карман и встаёт. Подумав, придвигает к столешнице стул. Косится на стену с царапинами, из-за которой больше не слышно радостных голосов.

– Ну ладно, я пойду, – неловко прощается он.

– М-м. Когда с делами справишься, позвони мне. Вместе пообедать сходим.

Лицо мальчишки моментально светлеет.

– Да, – кивает он.

Повеселевший Шевелёв буквально выпархивает из кабинета. «Вот и всё. Господи, как же всё просто: терпение, поощрение, и этот парень мой, – размышляю я, попутно разглядывая царапины, оставленные на стене Павловой. – Может, вызвать завхоза? Пусть здесь покрасит... только разговоров потом не оберёшься. А, может, просто вешалку передвинуть, чтобы закрыть отметины?» И я, прикинув варианты, берусь за вешалку и закрываю ею ущерб, причинённый стене «балериной». «Когда-то в этом углу точно также пищал и прятался от меня Вадим. А теперь он мой с потрохами. А ведь Шевелёв всего на два года моложе Павловой... Так может, не стоит следовать советам Ленки и ломать себя, а применить к соплячке ту же самую тактику? Вдруг сработает? А если нет?... А если нет, то попробовать всё равно стоит: я ничего не теряю!»

От этой мысли я веселею. Сажусь за стол, включаю компьютер и забываю о Павловой».

Глава 3

*– Препшим тебе не быть.
– Нет. Но если я всё равно останусь лучшим, то это не так важно.
Джордж Мартин, «Игра престолов»*

7 сентября 2016 года.

1.

«Моё утро в среду начинается ровно в семь, когда я, стоя у зеркала, судорожно вспоминаю, как делать смоки айз⁴, и держу у уха телефонную трубку.

– Наташа, в воскресенье у папы и тёти Риты круглая дата. Ты должна быть, – безапелляционно заявляет мама.

– Мам, сейчас семь утра. Мне не до тёти Риты. Я глаза крашу.

– Но у тёти Риты... Ты глаза красишь? – Такое ощущение, что моя мама переживает культурный шок.

– Да, – скриплю я в трубку. – Да, иногда я крашу глаза. Ну и что?

– Ты что, с кем-то встречаешься? – В голосе мамы появляются подозрительные нотки. – А как же Олег?

– А Олег здесь вообще ни при чём. И к твоему сведению, я ни с кем не встречаюсь. Я просто хочу по-человечески выглядеть.

– А-а... А что ты наденешь?

– О господи, – мысленно закатила глаза. – Ну, костюм какой-нибудь. Серый, наверное.

– А почему именно серый? – Иногда у моей мамы просто нечеловеческий нюх.

«Потому что это цвет очень подходит к „БМВ“!» – очень хочется сострить мне.

– Потому что с макияжем будет смотреться.

– Костюм. Опять этот твой вечный костюм, – жалуется мама. – Ну сколько раз тебе повторять, что в этих своих костюмах ты выглядишь, как надзиратель Аушвица.

– Как кто? – фыркаю я.

– Как надзиратель. Ну, не знаю... Слушай, а ты не хочешь надеть то серое платье, которое я привезла тебе из Италии? Оно очень женственное.

– Мам, оно вызывающее, – поморщилась я, сообразив, какое «платье» имеет в виду мама.

– Ничего оно не вызывающее! – яростно гремит из трубки. – Я никогда не дарила тебе плохие вещи. К тому же, у этого платья очень скромный вырез на груди и подол чуть выше колена.

– М-м. А ещё у него рукавов нет. – «И оно больше похоже на комбинашку». – Сентябрь на дворе. Я замерзну, – я ищу в «косметичке» помаду.

– Раз тебе холодно, то жакет прихвати, – резонно замечает мама. – Только не от костюма, а тот, короткий, из замши. С кнопками.

– Мам, а это не очень? – Я разглядываю себя в зеркале.

– Не очень! – В голосе мамы прорезаются рык и сталь.

– Но...

– Знаешь, тебя не переспоришь. У тебя характер, как у отца.

⁴ От англ. smokey eyes – дымчатые глаза. Одна из классических техник макияжа, которую отличают яркая прорисовка глаз и тщательная растушёвка теней.

Вы уже догадались, кто моя мама? Домашний тиран и мой персональный стилист, Тамара Васильевна Павлова работает в Доме моды на Кузнецком мосту. Но её настоящее призвание – это заваливать меня советами и претензиями. Уже пять лет, как мама хочет, чтобы я «почеловечески выглядела». Я же не то, что «выглядеть» сегодня хочу – я желаю, чтобы Васильев навсегда заткнулся насчёт моего внешнего вида и больше никогда не смел стучать на меня кулаком.

– И про мешок этот свой жёлтый забудь! Возьми приличную сумку, – доносится до меня очередное наставление мамы. – И подушись. Я тебе «Шанель» покупала, а ты...

– Всё, мама. Спасибо.

– Но...

– До вечера.

Отрубая связь, возвращаю трубку на базу. Надеваю блузку и юбку-карандаш. Сверху пристраиваю жакет и снова подбираюсь к зеркалу. Как ни странно, но мне нравится, как я сегодня выгляжу. Достойно, женственно... одним словом, хорошо. Мысленно оценив ущерб пятки, нанесённый вчера туфлями, со вздохом забываю про кеды и осторожно вставляю ноги в узенькие «балетки». Кошусь на стрелки Микки-Мауса: без пяти минут восемь. В обычный день я бы уже стояла на улице и ожидала явления начальника, как постовой на часах. Но сегодня иной расклад, и я преспокойно усаживаюсь на пуфик в прихожей. Вытягиваю ноги, подтягиваю чулок и, столкнув ступни носками, бездумно царапаю каблуками «балеток» узорчатые плитки пола. Жду, когда большая стрелка переползёт на нужное мне деление.

«Три минуты... четыре... пять... ровно восемь десять. Вот теперь можно идти».

Готовлюсь встать, когда тишину комнаты взрывает оглушительная трель мобильного. Даже не глядя, могу сказать, кто мне звонит. Изгибая бровь, беру телефон: «Что, нервничаешь, Васильев?»

«Снова двойка тебе за аналитику, Павлова», – ехидничает моё подсознание. Ещё бы: на определителе унылый, до боли знакомый, въевшийся мне в печёнки номер моего «бывшего».

«Олег... денег хочет или мириться? Или эта моя мама уже настучала ему про мои утренние сборы?»

С досадой сбрасываю звонок и принимаюсь рассматривать свои ногти, которые вчера поздно вечером с большим трудом выправила моя маникюрша. «Больше никогда», – обещаю себе я, припоминая сцену, двадцать четыре часа назад разыгравшуюся в кабинете Васильева. От умственных упражнений меня отвлекает писк смс-ки. Помедлив, открываю сотовый: «Внизу. АВ». Моё сердце замирает, а потом пускается вскачь. Откинувшись затылком на стену, стараюсь успокоить дыхание и прикрываю глаза.

«Как странно, – приходит мне в голову, – звонок того, с кем я прожила пять долгих лет, вызывает лишь раздражение, в то время, как два простых слова, написанных человеком, с которым я вчера вошла в клинч, заставляют сердце бежать быстрее...»

Тряхнув головой, поднимаюсь с пуфика. Пожелав себе удачи и прихватив серую сумку, нарочито медленно запираю дверь квартиры и вызываю лифт. Набрав воздух в лёгкие, выбираюсь на улицу. Выйдя на крыльцо, я ожидаю увидеть озлобленного начальника, но меня ожидает очередной сюрприз: на крыльце нетерпеливо крутится Вадим Шевелёв.

– Привет! – здороваюсь я.

– Здравствуй-те, – растерянно тянет Вадик.

– Что? – Насмешливо изгибаю бровь.

– Не узнал вас... тебя. – Вадик сглатывает. Его выпирающий из горловины белой рубашки кадык скачет вверх-вниз.

– Это почему?

– Ну, из-за этого. – Вадим неопределённо кружит пальцем вокруг своего лица, намекая на мой макияж.

– Ах это, – небрежно пожимаю плечами. – Бывает... Не обращай внимания. Слушай, а где наш главный?

– Там, – Шевелёв указывает рукой влево и решает прояснить ситуацию: – Александр Владимирович за домом припарковался. Здесь «Газель» разгружалась, ну и Александр Владимирович решил, что она его заперёт. А меня за вами... за тобой послал.

Прищуриваюсь:

– Вадим, а ты всегда зовёшь Васильева по имени-отчеству?

– Ну да. А что? – недоумевает Шевелёв.

– Да так, ничего. Ладно, пошли.

Сбежав с крыльца, Вадик подаёт мне руку. У него удивительно мягкая, широкая и уютная ладонь, но я вспоминаю совсем другие пальцы. Длинные, сухие, жёсткие. И невероятно горячие. Осторожно сжимая мою руку, Вадим старательно отводит глаза от моих ног. Спустившись, кивком благодарю его и освобождаю пальцы. Вадим украдкой вздыхает, потом, решительно тряхнув головой, обгоняет меня. Я следую шаг в шаг за ним. Через дорогу мы переходим вместе, а в зазорах между кустами акаций начинают поблёскивать серебристые очертания капота «БМВ». Наконец моим глазам открывается вид на Александра Владимировича. Первое, что я отмечаю: мы снова одеты в похожих тонах, я в мышиных, Васильев – в серых. Погружённый в свои мысли, облаченный в светло-серый костюм, белую рубашку и узкий чёрный галстук, начальник нетерпеливо поглядывает на часы и расхаживает рядом с машиной.

Разглядывая его сосредоточенное лицо, я пытаюсь понять, каким будет наш третий рабочий день и во что выльется эта поездка. Почувствовав мой вопросительный взгляд, Васильев оборачивается. Секунда – и его глаза начинают быстро перемещаться по моему лицу, груди, ногам, а в глазах появляется уже знакомое мне насмешливое любопытство. Признаться, не такой реакции я ожидала. Мне хотелось его смутить. Мне хотелось «выглядеть». Мне хотелось произвести на него впечатление.

«Да к чёрту! Мне просто хотелось нравиться...»

– Доброе утро, – сухо здороваюсь я. – Простите, я опоздала.

– Ничего... доброе, – Васильев, помедлив, кивает.

– Александр Владимирович, а я тоже Наташу не сразу узнал, – вклинивается в наш диалог Вадим.

– Я старалась, – скромно подаю голос я.

– Для завода в Калуге? Да, для завода как раз в самый раз, – невозмутимо сообщает начальник.

Оскорблённо вскидываю голову и впииваюсь в его глаза, но, к своему удивлению, вижу в них не злую насмешку, а искорку необходимого юмора. Васильев мастерски возвращает себе безучастный вид:

– Ладно, садитесь.

Постукивая сантиметровыми каблучками «балеток», направляюсь вперёд, но Васильев открывает мне дверцу позади места водителя.

– Но спереди будет удобней, – робко замечает Вадим.

– Зато сзади безопасней, – отрезает Васильев.

«Ах вот, значит, как: мужчины – на передовой, лицом к лицу к опасности, а женщины плетутся в хвосте, в тылу... Ладно, это я тебе тоже припомню!»

Ползу туда, куда указал мне мой господин.

– Устроились? – спрашивает мой повелитель.

– Да. Спасибо. Невероятно удобно, – с иронией отзываюсь я, разглядывая место, куда бы воткнуть свои ноги. За неимением лучшего, ставлю правую ступню на порог между передними креслами.

– Можете не пристёгиваться. – Мазанув глазами по моей розовой голой коленке, Александр Владимирович захлопывает дверцу. Кивком указывает Вадиму на переднее сидение, усаживается за руль и принимается щёлкать по кнопкам навигатора.

– Вы поговорить хотели. О заводе в Калуге, – вежливо напоминаю я. Васильев поднимает голову и ловит мой взгляд в зеркале заднего вида:

– Хотел. Но это мы обсудим, когда выедем на Калужское шоссе.

– Хорошо... а хотите, я покажу вам короткий выезд? Его не все знают, но я им пользуюсь, и я... – тараторю я и осекаюсь, поймав в зеркале два насмешливых глаза. Сообразив, что я снова лезу туда, куда меня не просят, отворачиваюсь к окну. Краем уха слышу шорох, предшествующий проигрышу мелодии. Через секунду в салон врывается мягкая увертюра. Васильев регулирует громкость, и «БМВ», плавно тронувшись с места, уходит в разъём узких улиц между белыми двенадцатитажками. Мы проезжаем мой двор, утопающий в тополях, липах, акациях и высоких, увешенных ярко-жёлтыми шариками, цветов, названия которых я не знаю.

– Через двести метров свернём на Калужское шоссе, – откашлявшись, подаёт голос Вадим. Васильев молчит. Я киваю.

«Дура ты, Павлова, – бродит в моей голове, – что ты хотела ему доказать? Что ты – женщина? Что ты можешь „выглядеть“? „Для Калуги сойдёт...“ Господи, да ты – как та брошенная любовница, что выходит в соседний супермаркет ухоженная и накрашенная только потому, что там может встретить своего „бывшего“!»

2.

«У моего нового зама очень красивые ноги и грудь. А ещё ей собираются «вдуть» Алтухов, возможно, Тарасов и уж точно Шевелёв... Супер, Наталья Борисовна! À couper le souffle, неплохо для третьего дня на работе. А вообще интересно, ради кого вы сегодня так вырядились?»

Мысль о том, что Павлова решила «выглядеть» для меня, заставляет меня улыбнуться. Положив правую ладонь на оплётку руля и перенеся локоть левой руки на ободок дверцы, я прячу улыбку и провожу указательным пальцем по губам, разглядывая «балерину» в зеркале. Не знаю, что там Павлова делала со своим лицом, но выглядит оно потрясающе. Высокие скулы, мягкий, полный, очень женственный рот. Но больше всего мне нравятся её глаза. Обведённые чёрным, они кажутся глубокими и прозрачными, как вода в озере Байкал, недалеко от которого есть маленький город Слюдянка.

Там я и родился – единственный мальчик небогатой провинциальной семьи. Мой отец был инженером железных дорог, мама – домохозяйкой. Я был поздним ребёнком. Мама мечтала о девочке и, навёрстывая упущенное, пыталась отыгаться на мне (шмотки, пианино, французский, последнее – по самоучителям). Отец был сторонником жёсткой муштры, во всём ценил порядок и дисциплину и видел меня исключительно офицером российской армии. В итоге получился идиотский симбиоз: я, сноб, педант и мизогинист⁵. А может, это было закономерено? Ведь прошлое – странная штука: оно никогда не отпускает нас.

Но мальчика из Слюдянки давно уже нет, как нет и его родителей. И я, настоящий, предпочитаю не думать о прошлом, как и не знать о будущем. В городе больших денег, в котором

⁵ Мизогинист – человек, которому свойственна дискриминация по половому признаку, проще говоря, принижение женщин. Мизогиния существует в таких религиях, как христианство, ислам и индуизм, а также прослеживается в философских работах Шопенгауэра и Ницше.

живу я, нет места пустым иллюзиям. Здесь правят бал только голые факты и очень простой расклад: ты – и те, кто против. А эта девочка, которая сейчас грустно смотрит в окно, никак не может понять, почему она мне не нравится.

«Кстати, о Павловой...»

– Наташа, – окликаю притихшую на заднем сидении «балерину».

– Да, Александр Владимирович? – Павлова послушно отрывает от стекла унылый взгляд.

– Расскажите о заводе в Калуге.

– Что именно, Александр Владимирович?

Вадим настороженно подбирается на сидении. Я фыркаю.

– То, что знаете, Наталья Борисовна, – подлаживаясь под её почтительный тон, насмешливо отсылаюсь я.

– С элементами исторических справок? – «Балерина» изгибает соболиную бровь.

«О! А наша девочка возвращается...»

– Лучше с деталями биографии руководства. Я, видите ли, с директором завода познакомиться сегодня хочу.

– А я думала, вы его знаете... Ведь договор с заводом был подписан месяц назад, – задумчиво тянет Павлова.

– Наталья Борисовна, к вашему сведению, месяц назад я впервые за пять лет был в отпуске. Неделю назад вернулся, а тут сразу и тендер, и вы. Представляете моё состояние?

– Простите, Александр Владимирович, – Павлова цепляется взглядом за моё отражение в зеркале. – Ну, директора завода зовут Ивантеев Пётр Васильевич.

– Это я знаю, – благосклонно киваю я.

– И сегодня у него день рождения. Вот.

– Э-э, – замирает Вадик.

– То есть? – насторожился я. Поёрзав на сидении, Павлова пытается положить ногу на ногу. Но места мало, и она ограничивается тем, что скрещивает руки на пухленькой груди:

– Ну, директору завода сегодня исполняется шестьдесят один год. Дата не круглая, так что отмечать свой день рождения Ивантеев будет в узком кругу. И сегодня с утра на заводе его будут поздравлять подчиненные... ну, и может, партнёры. Так что мы с вами буквально попадаем с корабля на бал.

Ощущение такое, словно кто-то посреди тишины бухнул в ударные.

«Та-ак... Мне кажется, или наш третий день с Павловой понемногу превращается в третий раунд?»

– А вчера вы, конечно, не могли мне сказать про день рождения Ивантеева? – Я злюсь, забыв о своём обещании на раздражаться на Павлову. – Я бы встречу перенёс на другой день.

– Вчера? – задумчиво переспрашивает «балерина». В её глазах появляется уже знакомое мне упрямое выражение – предвестник будущего скандала. Но Павлова быстро берёт себя в руки и небрежно передёргивает плечиками. – А вчера мы эту тему не успели поднять.

«Ты же, псих ненормальный, вчера и слова не дал мне сказать», – вот что читаю в её глазах я.

– Ладно. Хорошо. Согласен. Моя вина, – неохотно и быстро признаюсь я, игнорируя потрясённый взгляд Шевелёва. Поворачиваюсь к нему: – А ты, кстати, куда смотрел?

– Я? А я не знал... а может, мы ещё успеем по дороге подарок купить? – покраснев, предлагает Вадик. Вид у него виноватый. Ещё бы: в отличие от Павловой не сообразил про-вентилировать биографию Ивантеева.

– А у нас уже есть подарок, – подаёт бодрый голосок «балерина». – Я позавчера кое-куда звонила и заказала доставку. Но поскольку доставка уйдёт на завод не раньше двух часов дня, то мы успеваем сами забрать наш подарок. Надо только в Калуге в один магазинчик завернуть.

Я принимаюсь преувеличенно-внимательно рассматривать «балерину» в зеркале.

– И что же мы купим... в магазинчике? – озадаченно интересуется Вадим.

– Виски того сорта, который очень нравится Ивантееву.

– То есть я, по-вашему, с бутылкой к директору завода пойду, да? Вы себе это как представляете? – Пытаюсь уткнуться мрачным взглядом сразу в двух своих замов.

– Почему с бутылкой? – в свой черёд удивляется Павлова. – Это будет коллекционный набор односолодового виски.

Вадим восхищённо цокает языком. А меня пронзает догадка:

– Наталья Борисовна, а Тарасов не так ли с Ивантеевым знакомился?

– Ну да, так ли... То есть так, – стрельнув в меня глазами, быстро исправляется Павлова. – Просто... ну, когда я узнала про тендер, я начала присматриваться к заводам. Так я вышла на завод Ивантеева. А вкусы Петра Васильевича выяснила уже у его секретарши. Ну, а потом познакомилась с Вячеславом Андреевичем, и он уже ездил на завод представляться Ивантееву сам... Ах да, в магазине в Калуге банковские карты не принимают, но я захватила наличные. – Павлова за каким-то лешим помахивает своей серой сумкой.

– Спасибо, – всё-таки не сдержался я. – Но уж это я как-нибудь осилю.

– Как хотите, Александр Владимирович, – Павлова невозмутимо отворачивается к окну. Зато Шевелёв обретает дар речи:

– Наталья... Наташа, а можно вопрос?

– Да, Вадим, – учтиво кивает Павлова.

– С учётом вышеизложенного я правильно понимаю, что всем нам волей-неволей придётся присоединиться к праздничному застолью?

– Не совсем. Присоединиться придётся вам с Александром Владимировичем. Просто с женщинами Ивантеев... ну, не то, чтобы совсем не пьёт, но он будет неловко себя чувствовать. Так что я представлю вас Ивантееву, а сама пойду погуляю... на производственную линию погляжу... посмотрю на платы. Поговорю с начальником цеха, а вы с «именинником» посидите. С виски и с разговором по душам... Это же провинция, тут свои вкусы, – небрежно добавляет Павлова.

Сообразив, что сейчас произойдёт, Вадим вжимается в кресло.

– Спасибо за пояснение, – проглотив «провинцию», шёлковым голосом благодарю я. – А ничего, что я за рулём? А, Наталья Борисовна?

Павлова прикусывает губы и переводит задумчивый взгляд на Шевелёва. Вадим судорожно сглатывает.

– Наташ, я виски вообще не пью, – зачем-то сообщает он.

– Предлагаешь тебе водки взять в магазине? – изгибаю бровь я.

– Не пройдёт, – вклинивается в наш диалог Павлова. Возится на сидении и, ухватившись за мой подголовник, подтягивается ближе, одарив меня нежным облачком духов и видом на коленку. – Простите, конечно, Александр Владимирович, но пить с Ивантеевым придётся вам, иначе обидим директора. Он же всё-таки большой начальник, как и вы. Хотя и из провинции.

«Она что, издевается?»

– М-м. А Вадим что будет делать? – Я даже прищурился.

– Вадим? Ну, он будет на подхвате.

Шевелёв часто моргает. Павлова смотрит на меня невинным взглядом младенца. Я закатываю глаза.

– Супер, – наконец отмираю я. – Вообще-то я спрашивал, а обратно мы как поедем? Вадим у нас, между прочим, не водит.

– Ну, вообще-то у меня есть права, – подаёт обиженный голос Вадик.

– Нда? А когда ты последний раз сидел за рулём?

– Три года назад, – конфузится Шевелёв.

– В Калуге можно взять такси, – встречается Павлова.

– Мне завтра утром машина нужна, – огрызаюсь я. – Мне к заказчику ехать. К тому самому, что тендером нам по вашей милости удружил. К восьми часам утра и на другой конец Москвы.

– Ну, если хотите, то я могу сесть за руль вашей машины, – помедлив, предлагает Павлова.

Пауза. После чего в салоне образовывается мёртвая тишина.

– Нет, если вы не хотите, то, конечно, не надо, Александр Владимирович, – пугается «балерина».

– Да постоит вы, с вашими оправданиями, – морщусь я. – Вы давно водите?

– С восемнадцати лет.

– И хорошо?

– Нормально, – и Павлова принимается рассматривать коробку передач «БМВ». – У вас спорткар с полуторалитровым трёхцилиндровым двигателем. Так?

– Да, – удивлённо отзываюсь я.

– И это автомат... Ага, знаю эту конструкцию. Похожа на «Теслу». А «Теслу» я пару раз водила.

Вадик изумлённо открыл рот. Я разглядываю Павлову, которая не устаёт меня поражать.

– И – где водили, если не секрет? – спрашиваю я.

– Не секрет. На треке, в Крылатском. У папы, – нехотя признаётся Павлова.

– И – кто же ваш папа?

– Автогонщик. Пилот. – Павлова отворачивается. – В своё время выступал за сборную, а сейчас преподаёт.

Вадим присвистнул.

– Потрясающе, – киваю я. – И что, у вас, к нашему всеобщему счастью, водительские права с собой есть?

– Есть. Всегда ношу.

– Зачем?

– На всякий случай. Вам только надо будет доверенность мне написать, на бумажке и от руки.

Шевелёв восхищённо взирает на Павлову. На секунду оборачиваюсь и ловлю невозмутимый взгляд прозрачных, как вода, глаз.

– Знаете, Наталья Борисовна, а ведь я не ошибся с вами тогда, на собеседовании, – очень тихо говорю я, – вы действительно полны сюрпризов... Ладно, ваша взяла. Я пью с Ивантеевым, Вадим на подхвате, а вы везёте нас обратно. А теперь удивите меня ещё кое-чем.

– Чем?

– Расскажите, как сбавить себестоимость плат для микропроцессоров?

«Балерина» на секунду задумывается, и на её губах мелькает понимающая улыбка:

– Так вот почему вы решили сегодня поехать на завод? Чтобы завтра иметь козыри перед заказчиком?

– Touché! – улыбаюсь я.

– Что? – Павлова хмурится.

– Я говорю, не в бровь, а в глаз. Угадали, Наталья Борисовна.

Остаток пути мы проводим в дружелюбном согласии и в мозговом штурме, в результате которого «балерина» получает задание провентилировать ситуацию с оболочкой плат. Вадим конспектирует вопросы, ответы на которые мы должны стрясти с «именинника», я выкруливаю

к Калуге. При виде бело-зелёной вывески «Сбербанка» прижимаюсь к обочине и отстреливаю ремень безопасности. Поворачиваюсь к Павловой:

– Сколько денег с карточки снимать?

«Балерина» называет сумму, из чего я делаю вывод, что у директора завода неплохие вкусы. Выхожу из машины, Вадим выпрыгивает следом за мной, вытаскивает сигареты и с удовольствием закуривает. Павлова топчется рядом, изучая окрестности. Обхожу автомобиль, выдёргиваю из багажника сумку.

– Наташа, – зову я.

При звуках своего имени «балерина» медленно поднимает на меня глаза. Она смотрит так, словно пытается установить между нами связь. Точно уже лежит подо мной. Я моргаю, и наваждение рассеивается.

– Наташа, вы умеете писать доверенности? – откашлявшись, спрашиваю я.

– Да, – кивает Павлова.

«Вот интересно, – мелькает в моей голове, – а чего она не умеет?»

И мне впервые становится по-настоящему любопытно, а какая она, эта Павлова? Что крутится в ней? Что тикает, что заставляет дышать?

– Наташа, пишите доверенность.

– И вы доверяете мне свой паспорт? – Павлова изумлённо крутит в руках мой документ.

– Ну, кредит по нему вы вряд ли успеете взять.

«Балерина» немедленно заливается краской негодования. Вот тут-то я и решился нанести ей удар:

– К тому же, мне скрывать нечего. Кстати, я не женат. Хотя и из провинции.

Загнав Павловой эту шпильку, я развернулся и направился к «Сбербанку». Я шёл и улыбался, даже лопатками ощущая взгляд смущённой и уязвлённой женщины».

3.

«Я, Васильев Александр Владимирович, 9 сентября 1981 года рождения, паспорт серии 4504 номер 621603, выданный в ОВД „Беляево“ 12 февраля 2003 года, проживающий по адресу: Москва, Новоясеневский проспект, д. 15, кв. 83, доверяю Павловой Наталье Борисовне, 16 сентября 1987 года рождения, паспорт серии 4504 номер 456167, выданный ОВД „Аэропорт“, проживающей по адресу: Москва, улица Профсоюзная, д. 10, строение 6, кв. 48, управление автомобилем „БМВ i8“, регистрационный номер „В777АУ 177 РУС“, идентификационный номер 67890882. Доверенность без права передоверения выдана на срок с 17:00 до 24:00 7 сентября 2016 года и составлена в 10:45 7 сентября 2016 года по адресу: г. Калуга, улица Плеханова, дом 45. Подпись доверителя: Васильев Александр Владимирович».

Вручив мне эту бумагу и старательно пряча глаза, Павлова в сопровождении Вадима отправилась выкупать виски. Я опёрся бедром о капот и ещё раз пробежал глазами доверенность, написанную каллиграфическим почерком отличницы. И знаете, о чём я думал? Нет, не о том, что у нас с Павловой почти совпадают даты рождения. И не о том, что мы с ней почти соседи. А о том, что «балерине» не в первый раз писать такие доверенности. Пообещав себе при случае разобраться и с этим её секретом, согнул лист пополам и убрал его во внутренний карман пиджака.

– Вот, купили!

Выглядываю из-за багажника: Шевелёв почтительно обнимает нарядную коробку с виски. Рядом с ним, держа в руках приличный букет красных роз, топчется Павлова.

– Отличный подарок, – искренне одобрил я. – Садитесь в машину. Поехали.

В этот раз «балерина» на удивление послушно забирается на заднее сидение. Пока Вадим с интересом косился на Павлову, я пощёлкал кнопками навигатора, чтобы выяснить, как добраться до завода.

Ровно в одиннадцать мы паркуемся у бюро пропусков перед бетонным забором. Шевелёв вытаскивает телефон.

– Через пять минут за нами девушку пришлют, – закончив разговаривать с секретариатом, объявляет он и тянется за сигаретами. Я разворачиваюсь к Павловой:

– Кстати, вы тоже можете прогуляться. Не обязательно тут со мной сидеть.

Павлова выскальзывает из машины, одарив меня новым видом на коленки и на тонкие щиколотки. Набирая короткий вызов, я рассматривал улыбающегося Вадима и Павлову, которая, завернув ногу за ногу, слушала его, но исподтишка косилась в мою сторону.

– Саша, привет, – звучит в трубке после первого же гудка.

– Привет, Лизон. Ну как, разобралась с «Пушкиным»?

«Пушкин» – это не тот, о ком подумали вы, а название ресторана в центре Москвы.

– Да, я сняла зал «Библиотека» на пятницу. С семи вечера до часа ночи. Как ты и просил, – весело чирикает Лиза.

– Супер. А что с меню?

– Не бойся, роллы не будет соседствовать с холодцом, – и Лизка довольно хохочет. – Я ещё помню, как ты учил меня уму-разуму. Так что ограничимся цивильным европейским фуршетом с интересным горячим. Плюс десерт и алкоголь на любой вкус. Слушай, а мне по-прежнему заказывать на пятьдесят человек?

– Знаешь, увеличь лучше на пару порций, – прошу я, продолжая рассматривать Павлову.

– О, а у тебя пополнение? – оживляется Лиза.

– Пополнение, – соглашаюсь я. – Партнёры. Ещё директора смежных департаментов.

– И твой новый зам, конечно? – Лизу я не вижу, но поспорить готов, что она хмурится.

– Да, и мой новый зам.

– А можно, я ей яду в стакан насыплю? – ворчит Лиза.

– Лиза... – с легкой угрозой начинаю я.

– Ой, Саш, да ладно тебе. Я же так, смеюсь. А можно, я тоже приду в ресторан? Ну, пожа-а-алуйста, – тянет Лиза. – Ну пусть не к началу, а хотя бы к десяти вечера, а?

– Нельзя, – стараюсь произнести это как можно мягче.

– Ну почему? – канючит она.

– Да потому, что мы больше не смешиваем работу и личное. М-м?

– М-м, – покорно вздыхает «Лизон». – Слушай, тут метрдотель с картой вин подошёл. Можно, я тебе перезвоню?

– Я буду на встрече.

– Ладно, тогда дома договорим. Ну всё, целую. – Выдав это, Лиза вешает трубку. Я медленно убираю телефон в карман.

«С ней так легко, – думаю я, барабанив пальцами по оплётке руля. – Так почему же я никак не могу решиться и сделать тот последний шаг, который свяжет нас навсегда?»

«Ты знаешь ответ», – отвечает моё подсознание.

Погрузившись в свои мысли, я почти проглядел, как из бюро пропусков завода вышла девица под два метра ростом, с толстой русской косой, перекинутой через плечо, и что-то спросила у Шевелёва. Вадим кивнул и быстрым шагом устремился ко мне. Открываю дверцу машины:

– Ну, что?

– Александр Владимирович, пропуска готовы, – задыхаясь, сообщает Вадим. – Можно к директору идти.

– Тогда бери подарок.

Вадик, крикнув, хватает в охапку «сюрприз». А к машине осторожно подбирается Павлова.

– Наташа, а розы вам. Будете вручать директору. Мы же, как никак, москвичи – люди культурные, – в очередной раз поддел Павлову я. Поймал на себе её смущённый взгляд, и – я ничего не смог поделать с собой! – я ей подмигнул. Мне очень хотелось, чтобы Павлова вздёрнула подбородок вверх, но она пошла красными пятнами.

– Простите, – прикрываясь розами, шепчет она, – просто... я не знала.

– Чего не знали? Что я не женат?

– Нет! Про провинцию...

– Ну, то ли ещё будет. Главное, не сдавайтесь сразу, Наталья Борисовна, а то неинтересно будет, – пользуясь тем, что Вадим не слышит меня, бросаю я «балерине» и, игнорируя её возмущённый взгляд, направляюсь к девице.

Девице надо отдать должное: в отличие от других женщин эта на меня не пялится, а косясь на Вадика, деловито проводит нас по извилистым коридорам, окрашенным мерзкой зелёной краской. Мы поднимаемся по лестницам, поворачиваем в пролёты, и, наконец, миновав унылые стены, обретаем себя в просторном уютном холле, совсем по-домашнему заставленном цветами в горшках и кадках.

– Директорский блок, – произносит девица, с любовью оглядывая растения. Откашливается и показывает на ближайшие к нам деревянные распашные двери: – Вам сюда.

Киваю, и девица нажимает на ручку.

– Лариса, вот, привела! – сунув нос в щель, баском докладывает она и отступает в сторону.

– Спасибо, Аня... Здравствуйте! – Из-за компьютерного стола, внимательно глядя на нас, поднимается девица номер два.

В отличие от первой эта очень изящна: пышные волосы, высокие шпильки, чёрный костюм, подчёркивающий округлые формы. Но первое, что бросается мне в глаза, это её живое, изменчивое лицо, чем-то напоминающее лицо француженки Марион Котийяр⁶. С интересом рассматриваю девушку.

– Добрый день, – здоровается она.

– Добрый, – говорю я.

– Ой, а это не вы вчера мне звонили? Я по голосу вас узнала, – девица улыбается.

– Да, – легко втягиваюсь в этот необременительный флирт я. Лариса опускает ресницы, а позади меня раздаётся тяжкий вздох. Бросил быстрый взгляд из-за плеча: Павлова раздражённо перекладывает тяжёлый букет из правой руки в левую, после чего поджимает губы и решительно выступает вперёд.

– Ларочка, с «именинником»! – Отделив от роз букетик поменьше (и как это я его не заметил?), Павлова вручает подношение секретарше. – Ты прекрасно выглядишь, – шепчет она девушке, упирая на небрежное «ты».

– Спасибо. Ой, как приятно. – Ловко подхватив цветы, Лариса изгибается, отчего её юбка с разрезом поднимается выше положенного, обнажая кромку чулка стройной ноги, и кладёт букетик на стол. Оценивающе пожевав губами, прячу руки в карманы брюк. Перехватив мой взгляд, Павлова морщится, а Лариса, грациозно покачивая бёдрами, устремляется к дверям

⁶ Марион Котийяр – французская актриса телевидения, театра и кино. Звезда фильмов «Такси».

с табличкой: «Генеральный директор». Поглядывая на меня, согнула указательный пальчик и трижды стукнула в дверь.

- Да! – пророкотало из-за двери. Лариса нажимает на ручку:
- Петр Васильевич, к вам гости. Из Москвы.
- Ну так приглашай!
- Прошу! Директор вас ждёт, – сладко щурит глаза Лариса.

Переступив порог, я быстро осматриваюсь. На мой взгляд, обстановка комнаты может многое рассказать о владельце. А что, по-вашему, говорят однотонные стены, светлый недорогой ламинат, аккуратные белые рольшторы, ещё советский «кожаный уголок» (диван и три кресла, расставленные вокруг овального низкого столика) и фотографии – бесчисленные изображения людей, среди которых центральное место отводится кряжистому седому мужчине, которому вручают то кубок, то приз, то диплом? При виде нашей группы человек, изображённый на снимках, поднимается из-за стола и шагает к нам твёрдой поступью хозяина земли русской.

«Так вот ты какой, всемогущий директор завода, – думаю я, – человек старой закалки, но виски, тем не менее, пьёшь... Ладно, знаю, как поладить с тобой».

– Пётр Васильевич, это Александр Владимирович, – поёт Лариса.

– Вижу, – Ивантеев поднимает руку, но вместо того, чтобы протянуть мне ладонь, расплывается в радушной улыбке и вытягивает из-за моей спины Павлову:

– Наталья Борисовна! Вот кого всегда рад видеть.

Лариса морщит носик, но послушно изображает позу «хлеб-соль». «Балерина» делает изящный шажок вперёд, ловко переплетает ноги (и что за привычка дурацкая?) и протягивает Ивантееву букет роз.

– С днём рождения, долгих лет, счастья и здоровья! – бодро начинает она.

– Ух ты как! Ну, спасибо... – Ивантеев на секунду прижимает к себе Павлову. «Балерина» тут же бросает на меня быстрый взгляд, который я перевожу как: «Ну что, съел?»

«Это мне за Ларису», – соображаю я. Ухмыляюсь. Павлова тут же вздёргивает вверх подбородок. Впрочем, наши забавы заканчиваются, как только Ивантеев, освободившись от роз, поворачивается к нам с Вадимом.

– А?... – хмурится он, вопросительно глядя на Павлову.

– А это руководство Конторы. – Павлова всё-таки вспоминает о своих обязанностях и представляет нас директору. Задумчивый, оценивающий взгляд Ивантеева прокатывается по мне, потом по нарядной коробке в руках Шевелёва. При виде «сюрприза» в глазах директора появляется неподдельный интерес, который он тут же прячет за белёсыми ресницами.

– Рад знакомству, – и Ивантеев решительно подаёт мне ладонь.

– Взаимно. И с днём рождения, – подлаживаясь под его тон, отвечаю я. Рука у директора крепкая, цепкая и мозолистая. И это прикосновение почему-то вызывает в моей памяти одно почти забытое, почти стёртое временем воспоминание...

Это было десять лет назад. Мне – двадцать пять. Через два дня я уезжал в Париж.

– Меня не будет два года. Всего два года, папа! – Я в новеньких кроссовках и модных джинсах расхаживаю по скрипучим половицам старого родового дома. Отец, подперев кулаком подбородок, неодобрительно следит за мной. – Это – мой шанс. Ну, как ты не понимаешь? На собеседовании были десятки людей, а взяли меня. Тебе бы радоваться за меня, а ты...

– Это ты, Сашка, не понимаешь! – сердито обрывает меня отец. – Покумекай своей головой: у тебя родители – и оба «сердечники». О чём ты вообще думал, подписывая этот контракт?

– О чём? Да о вас с матерью! – Развернувшись, я утыкаюсь взглядом в отцовскую переносицу, чтобы не видеть его острых глаз. Синих. Жёстких. Непримиримых.

– И что же ты думал о нас, м-м? – Отец изгибает бровь.

– Как вас из этой дыры вытянуть! Папа, погляди вокруг, как вы жили? Что вы вообще видели? Твою железную дорогу? Продмаг, от зари до зари забитый местными алкоголиками? Раздолбанное пианино и танцы в доме культуры по выходным? А по большим праздникам – поездку за сто десять километров в Иркутск? Пойми, жить надо нормально. Для этого я и ввязался в контракт, потому что это – шанс. Шанс, один на миллион. Шанс выбраться из этой дыры. Шанс заработать и переехать в Москву. И я смогу, вот увидишь. У меня всё получится. Дай только время, и я...

– «Я»? Я, я, я... ты думаешь только о себе, Сашка. Впрочем, как и всегда.

Меня точно ударили под дых, и я захлебнулся воздухом:

– Что?

– Ты слышал, – зло отрезал отец. – Франция, Париж, Москва... Иллюзии всё дурацкие! Я думал, ты вырастешь и поумнееешь, а ты всё такой же, – и отец удрученно машет рукой.

– Папа!

– Всё!.. Разговор окончен. Я тебе всё сказал, а ты поступай, как знаешь.

Отец тяжело поднялся из-за стола. Аккуратно приставил стул к столу и ушёл, закрывшись от меня дверью. Отгородился от меня, как делал это всегда. А я, кусая губы от обиды, начал собираться в обратную дорогу. Провожать меня вышла одна мама. Покосилась на окна в кружевных стиранных занавесках, за которыми – она знала! – отец неодобрительно следит за ней. Притянула к себе мою голову.

– Не обижайся, Саша, – тихо попросила она. – Он любит тебя.

– Это он тебя любит, – горько усмехнулся я, – а меня он терпит. Я – его вечное разочарование.

Мама вздохнула, поцеловала меня в щеки и в лоб, заглянула в глаза:

– Ты только пиши почаще. Если звонить будет дорого, то просто пиши. А мы будем ждать тебя.

Тогда я не знал, что вижу её в последний раз. Я был в Париже, когда у отца случился инфаркт.

– Он не выживет... Я знаю... Приезжай попрощаться с нами, – прошептала мама.

– Мама, я... Мама, я! – Я ещё что-то кричал в трубку, но связь оборвалась, а мне захотелось завывать, ослепнуть, ударить себя – удавить за упрямство. За самолюбие. За то, что я знал, на что шёл, и всё равно сделал по-своему. Отец всегда говорил, что чем сильнее наши желания, тем страшнее за них расплата. Выскочив из офиса, я понёсся на стоянку такси. Сообразив, что на RER⁷ будет быстрее, слетел вниз по лестнице. Стоя в поезде, вцепившись в металлический поручень, глядя в тёмное окно, я молился первый раз в жизни.

«Господи, пусть только он выздоровеет. Пусть только она это переживёт...»

В аэропорту на коленях валялся, прося билет на первый рейс до Москвы. Сев в кресло, стиснув зубы, сцепив дрожащие пальцы, я мысленно подгонял и Бога, и небо, и самолёт. Я уже был в аэропорту Иркутска, когда мне позвонили соседи родителей и торопливо, боясь потратиться на дорогой разговор, сообщили, что отец умер, но мама ушла первой. Она всегда боялась, что переживёт отца, и Бог, который не принял мою молитву, исполнил её желание. Потом были двойные похороны и обезлюдевший дом. Зеркала, задёрнутые простынями. И фотографии – бесчисленные снимки, мои и моих родителей, которые я срывал со стен, обдирая в кровь пальцы.

Вот то прошлое, которое помню я. И та любовь, что я знаю.

⁷ От франц. Réseau Express Régional d'Île-de-France – сеть экспрессов региона Иль-де-Франс, система скоростного общественного транспорта, обслуживающего Париж и пригороды (произносится по французским названиям букв как *эр-о-эр*).

Моя рука невольно вздрагивает, и Ивантеев удивлённо глядит на меня. Но я давно уже научился «держат» лицо. Терпение, умение выбирать и видеть главное – вот три моих лучших качества.

– Разговор серьёзный, но я постараюсь долго вас не задерживать, с учётом праздника, – ровным голосом говорю я.

– Ну, это уж как пойдёт, – бросив на меня любопытный взгляд, Ивантеев поворачивается к Вадику.

– С днём рождения, – бодро рапортует Вадим и крепко пожимает протянутую ему директорскую длань.

– Ух, какая хватка, – фыркает Ивантеев. – Небось спортсмен? И не курит?

Вадик покрывается краской, я вежливо улыбаюсь, а Павлова наблюдает за мной, словно силится прочитать то, что у меня в душе. Это раздражает меня, и я меняю позу, поворачиваюсь к «балерине» спиной.

– Лариса, меня ни для кого нет, – строго говорит Ивантеев. – Ну, разве что из Министерства позвонят, – добавляет он и косится на меня. Указывает на «кожаный уголок»: – Прошу!»

4.

« – Ну что, за знакомство? – Ухватив цепкими узловатыми пальцами пробку, Ивантеев ловко её сворачивает и наклоняет бутылку над пузатыми бокалами. В кабинете немедленно разливается аромат виски, смешанный с запахом свежесваренного кофе, поданного Ларисой. Положив ногу на ногу, Васильев невозмутимо наблюдает за манипуляциями Ивантеева. Вадим неловко ёрзает, но под взглядом начальника покорно оседает в глубокие недра кресла.

– Наталья Борисовна, – Ивантеев протягивает первый бокал мне. Я виновато улыбаюсь.

– Я... – начинаю объясняться я.

– Наталья Борисовна у нас за рулём, – сообщает Васильев, невозмутимо принимает бокал за меня и ставит его в свою ладонь.

– А-а... На девушку, значит, вся надежда? – Ивантеев бросает взгляд на Вадима, потом – вопросительный – на Васильева. Александр Владимирович кивает, и директор завода вручает бокал Шевелёву.

– Ваше здоровье.

– С днём рождения.

Звон бокалов, и мужчины делают по глотку. Я вежливо отпиваю кофе, Лариса вкатывает в кабинет столик с закусками.

– Хорошо, – оглядев приношение, удовлетворённо говорит Ивантеев, и Лариса, одарив Васильева улыбкой, исчезает, плотно прикрыв двери.

– Ну, так с чем пожаловали, гости дорогие? – Директор завода переправляет на стол тарелку с жёлтыми кружками лимона.

– Да, собственно, возникло пара вопросов по платам. – Васильев отставляет бокал на стол и аккуратно раскладывает на колене белую салфетку. – Но это мы обсудим позже. А пока разрешите воспользоваться оказией: Наталья Борисовна хочет посмотреть тестовые образцы на производственной линии. Не возражаете?

Сообразив, что Васильев вот таким образом пытается аккуратно выставить меня из кабинета, чтобы не портить мужской «праздник виски», я тоже включаюсь в игру:

– Пётр Васильевич, вы не обидитесь, если я на некоторое время вас покину?

– А покушать?

– Спасибо, но чуть позже.

– Ну, как знаете, – Ивантеев равнодушно пожимает плечами.

– Обещаю, я ненадолго, – продолжаю ломать комедию я. – Я только до цеха и обратно.

– Угу. Сейчас вызову вам сопровождающего, – Ивантеев с сожалением отдёргивает пальцы от тарталетки с салатом и неохотно приподнимается из-за стола. Успеваю первой вскочить на ноги:

– Нет-нет, сидите, я попрошу Ларису.

– Как скажете. – Директор завода с видимым облегчением плюхается обратно в кресло. Прихватив сумку, я прощаюсь и иду к дверям. На пороге оглядываюсь: Ивантеев готовится разлить «по новой», на обречённом лице Вадика написана решимость пройти весь алкогольный ад туда и обратно, и только Васильев по-прежнему погружён в свои невеселые мысли.

Плотно прикрываю за собой дверь и оборачиваюсь: Лариса, напевая что-то под нос, расставляет в вазе розы. Свой букетик она уже водрузила в вазочку, украшенную китайскими бабочками. «Аляповато на мой вкус», – думаю я о вазочке.

– Лариса, мне нужен сопровождающий, чтобы пройти в цех.

– Сейчас вызову!

Отвлечшись от директорской «икебаны», Лариса придвигает к себе телефон. Ожидая, когда за мной придут, я подхожу к окну. Опираюсь ладонями о подоконник и смотрю туда, где должна быть припаркована машина Васильева.

«Интересно, о чём он думал?» – размышляю я, вспоминая его погасший взгляд, спрятавшиеся за ресницами. За моей спиной хлопает дверь.

– Аня пришла, – подаёт голос Лариса. Аня (девица-гренадёр) чеканной поступью провожает меня в цех, где я за четыре часа успеваю проверить тестовые образцы, познакомиться с главным инженером завода и убедиться, что предположения Васильева по замене корпуса плат оказались верными.

– Может, пообедаем? – в три часа дня предлагает главный инженер. Я благодарно киваю: невероятно хочется есть. Мы спускаемся в заводскую столовую. Ещё пять минут спустя обретаю себя с подносом перед кассой. Кассирша пробивает чек, я ищу в сумке кошелек и слышу писк смс-ки. Извинившись перед кассиршей, отставляю поднос и открываю телефон. Читаю:

«Забирайте меня. АВ».

Округлила глаза. Моргнула. Не выдержав, фыркнула.

«Сейчас приду. Держитесь», – быстро печатаю я.

«Мм», – приходит в ответ.

Усмехнувшись, поднимаю глаза на главного инженера:

– Начальство просит меня подняться.

– А как же обед? – растерялся он.

– Простите, но как-нибудь в другой раз.

Инженер тоскливо косится на дымящийся борщ с завитушкой белой сметаны, присыпанной кудрявой петрушкой.

«Господи, – думаю я, – как же неудобно-то...»

– Вы пообедайте, я Ларисе позвоню, меня проводят, – прошу я.

– Нет уж. Сам вас провожу, – мужчина вздыхает и решительно отодвигает поднос. – К тому же, – и он хитро прищуривается, – у нас сегодня на заводе банкет. Там уж мы оторвёмся...

«Боюсь, не дойдёт до банкета», – проносится в моей голове, когда инженер, подведя меня к приёмной Ивантеева, толкает дверь и застывает на пороге.

Вы никогда не видели «домик», образованный двумя хорошо «датными» мужчинами, которые, почти соприкасаясь лбами, в последнем трогательном рукопожатии трясут друг другу

руки? Штришок экспрессии в эту картину добавляет ословелый Вадим, пытающийся сфокусировать взгляд на Васильеве.

– Ого! Удачи, – подмигивает мне инженер и, пряча улыбку, стремительно исчезает в холле.

– О, Наталья Бар-борисовна, – Ивантеев, стоящий к двери лицом, успевает узреть меня первым.

– А? – испуганно оборачивается Васильев. Уставился в моё лицо. Поймав насмешку в моих глазах, тут же выпустил цепкую длань Ивантеева и попытался затянуть узел галстука, от чего тот окончательно съехал вбок.

– Н-нам пора, – невнятно сообщает он.

– А может, всё-таки останетесь, а? На банкет-ик, а? – Ивантеев с тоской взирает на дорогого гостя.

– Увы, начальство не отпускает, – покаянно бормочет Александр Владимирович.

– Это кто начальство? Тарасов ваш, что ли? – хихикает Ивантеев. – А вот я ему сейчас ка-ак позвоню...

– Н-нет. Д-другое начальство. Вот, – и Васильев обреченно указывает на меня.

– А-а, ну да... ну тогда конечно. Наталья Бор-р-рисовна девушка у нас строгая, – Ивантеев уныло вешает голову. Пряча улыбку, направляюсь к подгулявшему «имениннику».

– Ещё раз с днём рождения, но нам действительно пора. – Пытаюсь отделаться рукопожатием, но Ивантеев сгребает меня в медвежьи объятия и со смаком расцеловывает в обе щеки.

– Красавица. Будь я помоложе, как он, – кивок в сторону Васильева, – и я бы – у-ух!

При этих словах Васильев болезненно морщится, а Ивантеев переключается на Вадима. Далее следуют просьбы «не болеть» и предложение «почаще звонить». Наконец, мы выбираемся в коридор, где нас уже ожидает Анечка.

– О! Во! – Вадик дурашливо закидывает голову вверх, разглядывая великаншу. Анечка идёт пятнами. Я не знаю, куда глаза девать.

– Цыц. М-минутку, – произносит Васильев. – А ты за мной. Быстро! – это уже к Шевелёву. Развернувшись на сто восемьдесят градусов, Вадик послушно отправляется следом за начальством.

– Куда это они? – проследив, как эта парочка скрылась за углом, тихо интересуюсь я.

– Там туалеты. Мужские, – шепчет красная, как рак, Анечка.

Прислушиваюсь: в отдалении хлопает дверь. Потом до меня доносится шум воды, пущенной на полную.

– Цветы у вас какие красивые, – начинаю я. – Вы выращиваете?

Анечка окончательно смущается, я пытаюсь найти другую тему для разговора, но, к счастью, шум воды стихает, далее опять хлопает дверь, а из-за угла появляются Шевелёв и Васильев. Тщательно приглаженные шевелюры, галстук Васильева, вернувшийся на своё законное место, и застёгнутый на все пуговицы пиджак Вадима.

– Извините, – совершенно нормальным, уже «своим» голосом произносит Васильев.

– Всё хорошо? – не удержавшись, иронично интересуюсь я. Васильев бросает на меня такой взгляд, из-за которого я моментально чувствую себя призёршей конкурса «Стерва года».

– Пойдёмте, – сухо кидает он.

Анечка стреляет глазами в Шевелёва, съёживается, точно хочет стать меньше, и доводит нас до проходной.

– До свидания, – бормочет Анечка.

– Ага, увидимся! – счастливым голосом отзывается Шевелёв. Бросив злой взгляд на Вадика, Васильев толкает дверь для меня:

– Прошу.

– Спасибо. – Юркнув под его руку, пытаюсь сдержать смех, вылетаю в прохладу улицы, которую успели накрыть прозрачные осенние сумерки. С удовольствием втягиваю в лёгкие воздух – чистый, каким он бывает только после дождя.

– Ф-фу, – с облегчением фыркает позади меня Вадик. – Наташ, ты представляешь... – оборачиваюсь – ты даже не представляешь, что там было. Такое ощущение, что Ивантеев решил напоить нас в дрова, но Александр Владимирович принял удар на себя, а я...

– Ага, она представляет. – Жёстко обрезав Вадиму не вовремя раскрывшиеся крылья, Васильев переводит хмурый взгляд на меня: – Кстати, я вам должен.

– За что?

– За цветы.

– Вы же уже заплатили.

– За цветы Ларисе, – уточняет Васильев.

– Вы ничего мне не должны. – Я отворачиваюсь.

– М-м... И вот вечно этот недовольной тон. И спор на пустом месте.

Не оглядываясь, протягиваю ладонь. К моему удивлению, в мою руку ложится не купюра, а нечто металлическое и тяжёлое. Изумлённо подняв брови, рассматриваю брелок от «БМВ».

– Везите. Всё, как вы хотели... Только осторожней. Чёртова машина... Кто был знал, как я её ненавижу! – Игнорируя мой потрясенный взгляд, Васильев взъерошил волосы и поплёлся в сторону «бэхи». Распахнул дверцу, с остервенением содрал с себя пиджак. Потом, одумавшись, аккуратно развесил его на кресле и плюхнулся на сидение. Рывком пристегнул ремень, достал из кармана мобильный.

– Да, привет, это я, – резко и отрывисто бросил он в трубку. – Что?.. Да, выпил... да, много... Да, еду домой... Да не волнуйся ты, меня есть, кому отвезти! Всё, пока. Пока!

– С кем это он? – интересуюсь у Вадика я.

– Ну, это...

– Так, вы там докурили? – доносится до нас повелительный рык Васильева.

– Прости, Наташа, но это – не моё дело. – Пряча глаза, Вадим отстреливает «бычок» и спешит к автомобилю».

5.

«Наконец-то и мадемуазель Павлова соизволила сесть в машину. Пока она устраивается за рулём, прикрыл глаза, откинулся затылком на подголовник. Господи, кто бы знал, как мне сейчас плохо! Из-за поджелудочной я вообще стараюсь не пить, а тут вдул... то есть выдул... кстати, а сколько я выпил? Пол-литра? Уй-ё...

В голове выстреливает очередной фейерверк.

– Как сидение настроить? – доносится до меня звонкий голосок Павловой, режущий барабанные перепонки почище любого сверла.

– Кнопка под левой рукой, – буркнул я.

– А зеркала?

– И зеркала под левой... Слушайте, вы же, кажется, водили!

Приоткрыв один глаз, наблюдаю за Павловой, ёрзающей на сидении и разглядывающей панель приборов.

– Ну, что на этот раз?

– А можно, я пиджак сниму? – спрашивает она.

– Да хоть всё!

«Зря сказал», – мелькает в моей голове, когда «балерина» возмущенно округлила глаза и уставилась на меня. Смутившись, потёр лоб, приоткрыл окно:

– Вадим, у тебя есть сигареты?

Шевелёв протягивает мне пачку, я разворачиваюсь к Вадиму, и тут «балерина» выжимает педаль газа. «Бэха» резво прыгает вперёд, Вадик бьётся головой о потолок, а я вцепляюсь одной рукой в «торпеду», а другой в тёплую коленку Павловой.

– Простите. – Я быстро убираю руку от её ноги, ощущая, как напряглись её мышцы.

– Аккуратней! – смеётся Вадим.

– Ничего, – помедлив, сообщает Павлова и оправляет юбку.

– Наташ, а что с образцами плат? – Не подозревая о наших сложностях, Вадим протягивает мне зажигалку. – Так вы же в машине не курите? – спохватывается он.

– Уже курю, – злым голосом отзываюсь я.

– Отлично, я тогда тоже покурю, – радуется Шевелёв. – Так что там с тестами, Наташ?

– Сейчас расскажу, только на Калужское шоссе выберемся.

Я кошусь на сосредоточенное лицо «балерины» и на её ногу, которая мечется по педалям. Павлова включает «поворотник», в один разворот выводит «БМВ» из «загончика», находит неизвестную мне развилку и вливается в поток Калужского шоссе. Выкатив машину на трассу, устанавливает скорость в 110 км/ч, после чего переносит локоть левой руки на ободок дверцы и начинает мерным голосом рассказывать о том, что делала на заводе. Вадим с интересом слушает, иногда перебивает её и задаёт вопросы. Павлова отвечает, поглядывая на меня. А я? А я тоскливо разглядываю шоссе и придорожный лесок. И знаете, о чём я думаю? О том, что как это ни странно сейчас прозвучит, я очень люблю умных женщин. Но не тогда, когда умные женщины делают за меня всю работу, и уж точно не тогда, когда умная женщина пытается меня «уделать».

Тем временем Павлова заканчивает свой рассказ фразой:

– В общем, если Ивантеев согласится не накручивать на себестоимости оболочек, то можно считать, что тендер мы выиграли.

– Согласится, не бойся! – смеётся Вадим и поясняет свою мысль: – После сегодняшнего возлияния с Александром Владимировичем он вообще на всё согласится.

«Трепач несчастный, – сжимая челюсти, думаю я. – Ничего, в следующий раз ты будешь бухать за двоих!»

– Вот как? Ну и славно, – кинув на меня быстрый взгляд, Павлова принимается рассматривать пробегающие дорожные знаки и указатели. – Мы, кстати, в Москву въезжаем, – объявляет она.

– Клёво, – радуется Вадик. – А можно меня у Тёплого Стана посадить? К приятелю зайду, – зачем-то поясняет он Павловой.

– Минут через десять. – «Балерина» каким-то чудом встраивается в зазор между «Газелями». Под аккомпанемент клаксонов и дорожного шума, пробивающихся в незакрытые окна, уводит автомобиль к съезду на Профсоюзную улицу.

– Вадик, где мне остановиться? – поднимает к зеркалу глаза.

– Во-он там. У автобусной остановки. Видишь? – ухватившись за её подголовник, сообщает Вадим, и «балерина» прижимает «бэху» к тротуару.

– Классно водишь. Спасибо, что довезла, – улыбается Шевелёв. Поворачивается ко мне, тянет руку: – До свидания, Александр Владимирович.

– М-м. До завтра. Утром ты за меня.

– Понял. – Кинув на Павлову последний взгляд, Вадим выпрыгивает из машины и бегом устремляется к подъезжающему к остановке автобусу.

Пережидая «заперший» нас общественный транспорт, молчим. Наконец, автобус отъезжает.

– Вам куда? – нарушает тишину Павлова.

– Новоясеневский проспект, дом пятнадцать, квартира пятьдесят шесть, шестой этаж...

Всё, как в паспорте, Наталья Борисовна.

– А можно ещё вопрос? – неожиданно резко и зло спрашивает Павлова. – Скажите, почему я вам так не нравлюсь?»

6.

« – А что тут непонятного? – Васильев лениво вытянулся на сидении, окинул меня своим знаменитым взглядом. Но мне уже море по колено.

– Мне – нет!

– Ну, вы же пришли на моё место, – Васильев невозмутимо пожимает плечами. Позади нас раздаётся возмущённый вой клаксона. Дёргаю «поворотник», но Васильев перехватывает мою руку и отводит её в сторону. Нажимает на кнопку аварийной остановки. Оценив сигнал «неисправной» машины, водитель запальчиво издаёт ещё пару гудков, после чего сдаётся, с визгом срывается с места и обходит «бэху», успевая бросить мне в окно:

– Идиотка! Шалашовка!

Казалось бы, глупость – всего лишь тупое столичное хамство, к которому давно пора привыкнуть, но у меня дёргается подбородок, а глаза становятся влажными. Васильев с холодным, доводящим меня до исступления, любопытством рассматривает моё лицо. Я нервно закусываю губу и отворачиваюсь.

– Не стоит. Он просто дурак. – Честно, лучше бы Васильев сейчас молчал, потому что от усталости этого дня, от постоянного напряжения, я, не сдержавшись, всхлипываю. – Вот что бывает, когда умные девочки играют в мужские игры, да? – Из-за моего плеча возникает рука с бумажной салфеткой. – Держите.

Отпихиваю руку и разворачиваюсь лицом к своему мучителю.

– Я же ничего вам не сделала! – кричу я. – Так почему вы ведете себя со мной так?

– А у вас пока не было возможности что-то мне сделать, – бесцветным голосом сообщает Васильев. Я выхватываю из его рук салфетку и вытираю свой покрасневший нос. – А вот когда эта возможность появится, то вы её используете.

– Неправда, – трясую головой я.

– М-м? В таком случае, – и Васильев поудобней устраивается на сидении, – завтра напишите заявление по собственному. А я его подпишу. И даже рекомендации вам дам.

– Ваши рекомендации меня не спасут, – огрызаюсь я, – всем и так будет ясно, что вы меня просто выгнали. Вы же не первый день в бизнесе, и вы прекрасно знаете, почему я не могу сейчас взять и уйти. Мне нужно отработать хотя бы два месяца. И хоть что-то сделать для того, чтобы это можно было указать в резюме.

– Вот, собственно, и ответ. – Васильев с удовлетворением закрывает глаза: – Да, между прочим, Лариса – не в моём вкусе.

Растерявшись, уставилась на него. И тут до меня доходит, что делает этот гад. Он понял меня. Он меня «прочитал». Он нашёл мою слабую точку. И теперь он будет мучить меня, давить на неё на полную. Чертыхнувшись, отстреливаю ремень безопасности. Изгибаюсь, чтобы схватить свою сумку и убраться из этой машины к чёрту, к дьяволу – да куда глаза глядят, лишь бы от него подальше. От ослепившей меня ярости я даже не сразу почувствовала руку, схватившую меня за локоть.

– Так, всё, хватит, – доносится до меня.

– Отпустите! – Я брыкаюсь, но хватка становится только жёстче.

– Никогда не думал, что такой ты понравишься мне больше.

– Что? – Застываю на месте. Васильев прижимает к моей нижней губе подушечку большого пальца.

– Что... – дёргаюсь я, – вы что...

– Тихо, – удержав меня за руку, он осторожно и тщательно убирает с моих губ помаду. – Не люблю, – перехватив мой взгляд, поясняет он.

Придвинулся ближе, наклонился, заглянул мне в глаза и мягко, словно спрашивая позволения, коснулся моих губ. Погладил их губами. Попробовал нижнюю на вкус и чуть прикусил её, словно просил пустить его в мой рот. Пытаюсь глотнуть воздух. Мужчина обхватывает мой подбородок сухими горячими пальцами, чуть поворачивает мою голову и медленно, поступательно углубляет свой поцелуй. Он точно пытается узнать, какая я там, внутри. Я отвечаю, и другая его ладонь ложится мне на грудь и начинает мягко, ритмично сжимать её в такт нашему поцелую. В моём горле зарождается тихий стон. Я поднимаю руку, чтобы обнять мужчину, притянуть к себе ближе, и... всё обрывается. Васильев моментально отстраняется от меня. В темноте салона загадочно вспыхивают его глаза.

– Что это было? Ваши мужские игры – или объявление настоящей войны? – Стараясь говорить небрежно, я поправляю блузку, застегиваю пуговички.

– Нет. Это – предложение перемирия.

– Пере... Что? – уставилась на него.

– Ты слышала. – Васильев как-то странно улыбается. – Считаю, что мы с тобой заключили сделку: ты делаешь мне тендер, после чего я подбираю тебе фирму, куда ты и уходишь. М-м?

– Нет, не «м-м», – хмурюсь я. – А если я откажусь?

– А ты лучше обдумай моё предложение.

Вы тоже слышите в этой фразе подтекст: «Не согласишься, будет хуже»?

– И кстати, предлагаю перейти на «ты», – Васильев на секунду прижимается затылком к подголовнику и резко выпрямляется. – А теперь давай найдём тебе такси.

– А вы... ты как поедешь? – мямлю я.

– Ну, во-первых, ты меня почти довезла. А во-вторых, за мной скоро приедут.

Пока я силюсь понять, что на уме у этого непостижимого человека, он достаёт телефон и ищет иконку «Яндекс-Такси». Вытягивает шею, рассматривает номера стоящих рядом домов и быстро печатает смс-ку, отправляет заказ.

– Так. Нам обещают, что такси уже близко... Отлично. Кстати, я тебе должен.

Похлопав себя по карманам, вынимает из нагрудного пару сложенных купюр и протягивает мне.

– Для такси тут много, – заметив две «пятисотенные», отказываюсь я.

– Цветы Ларисе. Ты покупала, – напоминает он.

– Ладно, – закусываю губу и протягиваю руку.

Купюры ложатся мне на ладонь. Пытаюсь что-то сказать, но позади нас, как нарочно, замирают две фары, бьющие мне прямо в глаза.

– Похоже, твоё такси. Пойдём, провожу тебя, – Васильев выходит из «БМВ». Я выбираюсь следом. Не дотрагиваясь до меня, он распахивает передо мной заднюю дверцу желтого «Форда»:

– Садись.

– Первым делом безопасность, да? – пытаюсь шутить я.

– Нет. Первым делом цель и выбор подходящего средства. Ну, пока... Павлова, – Васильев захлопывает дверцу и достаёт телефон:

– Да, я. Да, рядом с домом.

– Девушка, адрес тот, что указан при заказе? – уточняет таксист.

– Что? – не понимаю я. – Ах, да... Профсоюзная, дом десять. – Машина трогается, а я касаюсь пальцем своих припухших губ.

Кто-нибудь, скажите мне, что здесь сейчас было?»

Глава 4

Дети существуют, чтобы разочаровывать своих родителей. Я изо всех сил стараюсь выполнить это предназначение.
«Игры разума»

8 сентября 2016 года.

1.

« – Слушай, Вадик, а какой он, Васильев? – спросила я, сидя в кафе и сжимая в руках чашку с кофе.

Как вы понимаете, этот вопрос не отпускал меня со вчерашнего вечера. Отдельной строкой стояла дилемма, как мне теперь вести себя с Сашей, или – с Александром Владимировичем?

Полночи провертевшись на кровати, в семь утра я наконец сдалась, и, абсолютно разбитая, выползла из постели. Медленно чистила зубы, стоя под струями чуть тёплой воды. Подсушивая феном волосы, разглядывала в зеркале своё лицо – как всегда, бледное. И всё же эта ночь привнесла в мою блеклую внешность одно качественное изменение: в моих глазах появилось нечто, очень похожее на... надежду. Точно внутри меня кто-то включил свет. Передёрнув плечами (что за чушь лезет в голову?), отказалась от завтрака (кусок не лез в горло) и заварила двойную порцию кофе. Переместившись к зеркалу, накрамила глаза. Покрутила в руках помаду, но, вздохнув, отложила её в сторону (не надо поспешных выводов, ладно?).

Перебрав всё содержимое своего гардероба, остановилась на тонком свитере с вырезом, красиво приоткрывавшим плечи, и на узкой красной юбке из итальянской саржи. В восемь утра всунула ноги в «балетки», прихватила сумку и вышла на лестничную площадку. Спустившись на лифте на первый этаж, кивнула соседу, с остервенением рывшемуся в недрах почтового ящика. Сосед (так, ничего особенного: сорокалетний, грузный, уже «поплывший» мужик, живший в соседней квартире вместе с мамой и двумя злыми таксами) при виде меня крикнул и выронил кипу газет. Усмехнувшись, я вышла на улицу.

С удовольствием глотнула чистый сентябрьский воздух, ещё не убитый московским днём и автомобильными выхлопами. Уселась в свой «Купер» и уже через полчаса парковалась на собственном вип-квадрате, любезно выделенном мне Тарасовым. Поднялась по ступеням ещё пустого крыльца и – о, счастье! – столкнулась с Вадиком. Оценила интерес, вспыхнувший в его карамельных глазах, и получила приглашение сходить пообедать в маленькое кафе, куда позавчера меня водили Алтухов и компания.

И вот теперь, воспользовавшись отсутствием того, кто занимал мои мысли, мы с Вадимом уютно устроились за квадратным столом, накрытым темно-бордовой скатертью. Вяло поковырявшись в салате с рукколой, я согревала руки о чашку с кофе, наблюдая за Вадиком, который с аппетитом уплетал пасту Карбонара.

– Так какой он начальник, Вадим? – повторила вопрос я.

– В смысле, «какой он начальник»? – Шевелёв оторвал от тарелки глаза.

– Ну, какой он, на твой взгляд? Въедливый? Жёсткий? Жестокий? А может, он очень добрый? – насмешливо предложила свои варианты я.

– По-моему, он – справедливый, – помедлив, ответил Вадим.

– Да ладно! – фыркнула я, потому что из всех определений, которые я бы дала Васильеву, это подходило ему меньше всего. Шевелёв перестал жевать и принялся изучать моё лицо.

– Ну, я могу тебе кое-что рассказать, – подумав, предложил он. – Но у меня будет одно условие.

– Вадик, я не болтлива, – напомнила я.

– Это я уже понял, – Шевелёв кивнул и переправил очередную порцию макарон в рот. Прожевал, сглотнул.

– В общем так, – начал он, – как ты уже знаешь, у нашей Конторы есть владелец – хозяин. Хозяин создал эту Контору. И он примерно десять лет назад взял на работу Александра Владимировича. Но год назад хозяин попал в больницу. У хозяина рак нашли.

– Печально, – искренне огорчилась я.

– Печально, – кивнул Вадим, – но самое печальное для нас – как ни гадко это сейчас прозвучит – то, что хозяину сейчас не до Конторы. Но продавать её он не хочет.

– А – почему?

– Ну, во-первых, потому, что нет подходящих покупателей, готовых выложить сумму, равную нашим пяти годовым оборотам. А во-вторых, хозяин проходит лечение в Германии, а на это требуются деньги. Большие деньги, Наташа... И вот год назад хозяин, вместо того, чтобы искать покупателей, решил взять управляющего – человека, который смог бы руководить Конторой вместо него.

– Так появился Тарасов?

– Не совсем, – Вадим покачал головой. – Сначала хозяин пытался найти кандидата в самой Конторе. Но что-то не сложилось, и вот тогда хозяин пригласил Тарасова.

– Очень интересно. – Я отставила чашку в сторону. – Продолжай.

– А нечего продолжать-то, – невесело хмыкнул Вадим. – Пришёл Тарасов, и у него сразу же возник конфликт с Алексан... – Шевелёв перехватил мой нетерпеливый взгляд, – ладно, хорошо. С Васильевым. Но в отличие от любого другого человека, который вошёл в клинч с руководством, Васильев не написал заявление по собственному и остался в Конторе.

– И в чём же тут справедливость? – не поняла я.

– В чём справедливость? А вот скажи, когда ты пахала на «Микрософт», сколько людей было у тебя в подчинении?

– Тридцать три человека, – гордо ответила я.

– Но ты всё равно решила уйти? Так?

– Так. Но у меня были причины.

– Ну, причины есть у всех, – аккуратно заметил Вадик. – А кто остался в «Микрософт» вместо тебя?

– Если честно, не знаю, – небрежно пожала плечами. – Но до меня доходили слухи, что руководство взяло кого-то со стороны. Какого-то парня то ли из «Tele2», то ли из «Мегафон». Но точно не скажу.

– Выходит, ты даже не интересовалась, как живётся сейчас твоим людям? – ровным голосом заключил Вадим. Я стрельнула в него глазами. Шевелёв молча взялся за вилку.

– Ну... да, – вынуждена была согласиться я. Откровенно говоря, никогда не рассматривала свой уход с предыдущего места работы в таком ключе.

– А Васильев нас не бросил, – подчеркнул Шевелёв.

– А может, ему просто некуда было уйти? – я изогнула бровь.

– Ему? И некуда? – Вадим отодвинул пустую тарелку. Протянул руку к салфеткам и тщательно вытер свой пухлый рот. Поднял глаза на меня: – Наташ, к твоему сведению, Васильеву предлагали позицию не где-нибудь, а в министерстве. На самом высоком уровне... Почти там, – Вадик красноречиво указал глазами на потолок, что, очевидно, должно было означать должность, недоступную простым смертным. – Васильеву было тогда тридцать три. Скажи, кто бы не согласился занять это место в тридцать с небольшим, а? – Я промолчала. – Вот именно, – заключил Шевелёв. – А Васильев отказался. Не захотел нас бросать.

– А откуда ты знаешь про министерство? – не поверила я.

– Откуда? А от Ленки. – Скомкав салфетку, Вадим пристроил её рядом с тарелкой и потянул к себе чашку.

– А если Лена наврала?

– А если нет? – Шевелёв перехватил мой взгляд и, видимо, решил прояснить ситуацию до конца. – Наташ, видишь ли, Ленка очень давно знает Васильева. И хорошо знает его бывшую секретаршу. Они... – Точно поперхнувшись, Вадим замолчал и начал искать на столе сахарницу. Я пододвинула к нему пузатый стеклянный флакон с дозатором.

– Ага, спасибо, – кивнул Вадим. Помолчал. – В общем, так, – он посмотрел на меня. – Ты спросила, какой Васильев начальник, и я тебе ответил. Да, у него есть тараканы в голове, но они там ежедневно фейерверк не устраивают. И к тому же, у кого их нет, скажи?.. А Васильев создавал наш департамент с нуля. И это он взял всех нас на работу. Он нас учил, но сам до сих пор с любой железкой на «ты». И как специалист, может заменить любого. А вот его никто не может заменить, и он это прекрасно знает.

«Ты заменишь его, Наташа», – похоронным набатом прозвучал в моей голове лисий голос Тарасова.

– А то, что Васильев авторитарный... ну, жёсткий, что ли, – не подозревая о моих сложностях, продолжал Шевелёв, – ну, так на то есть причина. Но все проблемы он привык решать сам. Вот в этом, на мой взгляд, и заключается справедливость: раз впрягся, так уж вези свой воз до конца, и от проблем не бегай.

«Интересно, а какой тогда я человек?» – спросила я себя, и мои глаза невольно переместились на часики с Микки-Маусом.

– Наташа, я что хотел попросить, – помешивая свой чай, произнёс Вадим, – ты, пожалуйста, постарайся поладить с Васильевым. Ну не цепляй ты его, ладно? Да, ты – чёткая, классная и всё такое, но это ты работаешь под ним, а не он у тебя. К тому же... – и Вадим улыбнулся, – у Владимировича день рождения в пятницу. Дай слово, что придёшь. Не зли его, хорошо? А то, когда у него плохое настроение, то плохое оно у всех.

– Вадик, вообще-то Васильев меня к себе на праздник не приглашал, – нехотя призналась я.

– Ещё пригласит, – отрезал Вадим с убеждённой уверенностью человека, знающего, что дважды два – четыре.

– Ну, если пригласит, то, так и быть, приду.

– Супер. Тогда последняя просьба: научи меня водить.

– Что? – замерла я.

– Я говорю, водить меня научи, – терпеливо повторил Вадик. – Ты здорово водишь. Можешь со мной позаниматься в свободное время? Честно, я ученик хороший. Я ещё три года назад многое умел и... – и тут Вадим пустился в описание своих будней в автошколе, а я спрятала глаза в чашке с кофе. Перед моим мысленным взглядом возник ещё живой и улыбающийся мой младший брат Арнис.

– Наташа, ты меня слышишь? Ау! – Вздрагиваю и смотрю на Шевелёва. – Да что такое с тобой? – хмурится он. – Ты точно призрака увидела.

– Ничего, – встряхнула головой я. – Ничего, всё нормально. Извини, я просто задумалась.

– Ну так что, ты научишь меня водить? – настаивает Вадик.

– Нет, – отрезала я. Помедлив, всё-таки решила пояснить: – Прости, Вадик, но я – плохой учитель.

– Но ты же водишь сама, и твой отец... ты же рассказывала.

– Вадик, пойдём в Контору. – Я поднялась, пряча от Шевелёва глаза. За неимением лучшего, попыталась перевести разговор на другую тему. – Вадик, нам надо ещё про сервера пого-

ворить. Скажи, что с «железками» будем делать? Повезём их из Чехии или закажем в США? В Штатах выйдет дороже, но быстрее, я узнавала.

– Точно! Совсем из башки вылетело. – Вадим хлопнул себя по лбу, скинул с колен салфетку и, порывшись в карманах, бросил на стол купюру. Кивнул официантке и, пропустив меня вперёд, направился к выходу из кафе: – В общем, смотри, что у нас получается...

И вот теперь, рассуждая о вычислительных мощностях и условиях растаможивания, мы перешли через дорогу и углубились в затенённую тополями улицу. У бюро пропусков Конторы Вадим остановился. Сложил ладони лодочкой, как это делают все курильщики, прикуривающие на ветру, и бросил на меня исподлобья быстрый взгляд. Я открыла рот, чтобы продолжить свои изыскания относительно стандартов мощности, и тут в карамельных глазах Вадима мелькнуло раздражение.

– Вот чёрт, – сипит он, рассматривая что-то за моей спиной.

– Что? – оборачиваюсь и вижу до боли знакомый «БМВ», подъезжающий к шлагбауму.

– Александр Владимирович, – одними губами сообщает Шевелёв, отбрасывает сигарету в сторону и устремляется к машине. Стекло с правой стороны медленно опускается, и из салона, перегнувшись через правое сидение, на нас смотрит Васильев.

– Добрый день, – бодро рапортует Вадим.

– Здравствуй-те, – чуть запнувшись, говорю я.

– Добрый... – Помедлив, в своей любимой манере отвечает Васильев и принимается рассматривать мои щуплые бёдра, затянутые в красную юбку. – Прогуливаетесь? Вместо работы? – С редкой задушевностью начинает он.

– Мы обедать ходили, – Вадик пытается оправдываться за двоих.

– М-м. Ну и как пообедали?

– Хорошо. На пятьсот рублей. – В тон Васильеву отвечаю я, намекая на наши с ним «расчёты». Те самые, вчерашние. С поцелуями. В «БМВ».

– В таком случае через десять минут жду вас обоих у себя. – Бросив это, Васильев приложил карточку к «считывателю» на шлагбауме и покатил к парковке.

– Ну всё. Начинается, – я закатила глаза.

– Между прочим, из-за тебя. Не могла промолчать? – Вадик сделал страшные глаза, но в его зрачках танцевали смешинки.

Тем не менее, мы прибавляем шаг и преодолеваем расстояние до крыльца в рекордно короткое время. На крыльце уже крутится принаряженная «кадровичка». Правда, в полном одиночестве, зато с сигаретой в зубах.

– Обедали? – со знанием дела интересуется она. Я промолчала. Вадим кивнул. – Ясненько. – «Кадровичка» кривит губы при виде моего наряда. Задерживается взглядом на моих бёдрах и прикусывает губу. – Между прочим, вас Александр Владимирович искал.

– Между прочим, мы знаем, – благосклонно киваю я, и «кадровичка» вспыхнула.

– Лена, спасибо, мы уже идём. – Вадим подхватил меня под локоток и потянул вверх по ступеням, к стеклянным дверям и турникету. Кивая сотрудникам, попадавшимся по пути, мы вошли в кабину лифта.

– Язва, – наклонившись к моему уху, прошептал Вадим.

– А ты – слабак, – ухмыльнулась я, угнездившись в стеклянной коробке. Шевелёв округлил глаза, но фыркнул и покачал головой. Добравшись до четвёртого этажа, пропустил меня вперёд, и мы бодрой рысцой устремились к кабинету под номером «400». Кинув на меня предостерегающий взгляд, Вадим сложил указательный палец баранкой и постучал в дверь.

– М-м, – звучит из кабинета.

– Прошу, Наталья Борисовна, – Вадик преувеличенно-любезно пропускает меня вперёд.

– Спасибо, Вадим Вадимович, – воркую я.

Пока мы с ухмылками клоунов протискиваемся в кабинет, на нас с явным неодобрением взирают синие глаза в оправе чёрных ресниц.

– Присаживайтесь, – Васильев подбородком указывает нам на стулья. Подхватив юбку, ловко ввинчиваюсь в первый попавшийся мне стул. Шевелёв устраивается напротив, а мой взгляд невольно падает в угол кабинета – в тот самый, где позавчера я брыкалась, пищала и царапала стену. К моему удивлению, отметины, оставленные моими ногтями, сейчас прикрывает вешалка, на которой по-хозяйски висит черный пиджак и узкий черный галстук. Покосилась на Васильева: тот откинулся в кресле, вытянул вверх руки, переплёл пальцы и с явным удовольствием потянулся, пытаясь расправить затекшие мышцы.

«Тебе бы в „Men’s Health“ сниматься, а не в Конторе работать», – с неудовольствием думаю я, наблюдая, как под белой тканью рубашки ходят тугие мускулы.

– Устал, – зачем-то пояснил нам Васильев, после чего вернул руки на стол. – Ну что, труженики-бездельники, поработаем?.. В общем, так: был я у заказчика. – С этими словами Васильев нырнул в нижний ящик стола, и на свет появилась алюминиевая термокружка. – Все наши предложения по удешевлению цены прошли... – Следом за кружкой на столешницу отправляется пластиковая крышка. – Но уважаемый заказчик, – быстрый, ядовитый взгляд на меня, – был так любезен намекнуть, что хочет провести обучение для своих сотрудников. Причём не здесь, у нас, в Москве, а где-нибудь в Европе.

– Ничего себе, – ухмыльнулся Вадим, – а заказчику программа «Время» и новости о том, что в ЕС сейчас делается, ничего не говорит?

– Не поверишь: даже не шепчет. – Вынырнув из-под стола, Васильев стукнул пальцем по кнопке АТС. – Надя, ты? Привет.

– Да, я. Здравствуйте, Александр Владимирович, – звучит из динамика робкий девичий голос.

– Наденька, кофе мне свари.

– Как всегда?

– М-м.

– Да, конечно, Александр Владимирович. Сейчас.

Васильев отбивает вызов.

– Так что надо решать, куда повезём пятнадцать бойцов заказчика. Какие будут предложения? – откинувшись на спинку кресла, начальник переводит глаза с меня на Шевелёва. Вадим пожевал губами.

– Надо подумать, – глубокомысленно изрёк он. Васильев покосился на меня:

– А вы нас чем порадуете?

– Кажется, у меня есть идея. А можно... – начала я, но договорить уже не успела: вместе со стуком в дверь на пороге кабинета возникла девушка. Это – Наденька, секретарша Тарасова. Васильев с очаровательной улыбкой прощелыги протянул ей свою кружку, и Наденька, покраснев, снова исчезла за дверью.

– Так что ты хотела сказать? – Васильев побарабанил пальцами по столу. Я покосилась на Шевелёва.

– Собственно, это не только моё предложение. Мы тут с Вадиком... то есть с Вадимом, – быстро исправилась я, поймав изумленный взгляд Васильева, – так вот, мы подумали, что сервера для тендера лучше заказывать в Чехии. Так может, нам стоит и обучение там провести? Например, в Праге есть куча хороших гостиниц с приличными конференц-залами. И есть, что в городе посмотреть. Можно даже экскурсию организовать... или – развлекательную поездку.

– Интересное предложение. У вас. С Вадиком. – Каким-то образом Васильев ухитряется охватить ироничным взглядом и меня, и бордового от смущённого Вадима. – И кто поедет

в ознакомительную командировку в Прагу с восемнадцатого по... – быстрый взгляд на календарь, – по двадцать второе?

– А почему по двадцать второе? – откашлявшись, поинтересовался Вадим.

– А заказчик просил до тридцатого выкатить ему готовое предложение, – любезно поясняет начальник.

– Ну, тогда я, наверное, смогу, – Шевелёв бросает на меня быстрый взгляд. – Но мне будет нужен кто-то в помощь. Может быть, Наташа сможет?

– Ваш кофе, Александр Владимирович, – прерывает нас новое появление Наденьки. Она вносит в кабинет термокружку, от которой исходит просто умопомрачительный запах.

– Спасибо, солнышко, – Васильев благодарно принимает подношение, и Надя, ошарашенная на всю жизнь, бабочкой выпархивает из кабинета.

– Ладно, про командировку мы ещё поговорим. А что с серверами? – Васильев отпивает из кружки. «Выдохнувший» было Вадим тут же пускается в подробный рассказ об условиях растаможивания. Я за неимением лучшего рассматриваю пустой кабинет.

«До чего ж тут уныло, – изучая однотонные светло-серые стены, думаю я. – Хоть бы фотографию сюда какую. Или – безделушку».

И тут мне приходит в голову одна мысль. У Васильева ведь день рождения в пятницу? Кажется, я знаю, что ему подарить. И я, подперев кулаком подбородок, начинаю обдумывать, как мой подарок будет смотреться в его офисе.

– Всё, Вадим, договорились: бронируй сервера в Чехии, – прервал мои мысли голос начальника. Вадик кивает и поднимается. Следом за Шевелёвым начинаю вставать и я.

– А ты, Наташа, останься. Есть разговор, – усаживает меня обратно Васильев.

Уже дошедший до двери Вадим обернулся, но, поймав непререкаемый взгляд синих глаз, исчез за дверью. Подождав, когда в коридоре стихнут его шаги, Васильев отставил чашку, подошёл к двери и повернул дверной замок. Щелчок – и мы, как вчера, одни в его кабинете.

– Ну, так что ты надумала? – сунув руки в карманы, начальник поворачивается ко мне.

– Относительно чего?

– Относительно моего предложения.

– Вы... ты про перемирие?

Васильев обошёл стол и встал за стулом, на котором минутой ранее сидел Вадим. Положил пальцы на спинку, побарабанил по ней:

– Нет. Я, Наташ, про те условия, на которых ты уйдёшь из Конторы.

– Я не уверена, что это получится, – кладу ногу на ногу.

– Но рот ты тем не менее не накрасила, – прищуривается он.

– Я разлюбила эту помаду, – складываю на груди руки.

– Кажется, это «нет»? – усмехается Васильев.

– Александр Владимирович, – я смотрю в улыбающиеся, невероятно раздражающие меня глаза, – а вы не много ли себе позволяете?

– Мне нужен ответ на мой вопрос. – Васильев хмурится.

– А мне нужно время подумать. Я пока не готова ответить, – придаю голосу светскость и аккуратно расправляю подол свой красной юбочки.

– Ладно, хорошо, – неохотно кивнул Васильев. – Давай подождём твой ответ до завтра. У меня, кстати, завтра день рождения. Придёшь в «Пушкин», к восьми?

– Это что, приглашение? – насмешливо интересуюсь я.

– М-м, – Васильев покачивается с пятки на носок.

– В таком случае, приду, спасибо.

– Не за что, – начальник фыркает. – Но вообще-то я попросил тебя для другого остаться. Скажи, ты хочешь поехать в Прагу, в командировку?

– Когда?

– Восемнадцатого сентября, я уже говорил.

«Восемнадцатого – это воскресенье».

– Восемнадцатого мне нужно на годовщину свадьбы отца. У него другая семья, – зачем-то объясняю я и начинаю теребить подол юбки.

– Ага. А тебе, как я вижу, туда совсем не хочется?

Вот скажите мне, откуда у этого мужчины способность читать мои мысли?

– Да, мне туда не хочется, – помедлив, всё-таки признаюсь я.

– Тогда зачем мучиться? Разве нельзя отказаться и не ходить? – Васильев опускается на стул, подтягивает к себе кружку и спохватывается: – Попросить для тебя принести? – глазами указывает на кофе.

– Нет, спасибо. Я и так с утра уже пять чашек выпила.

«Между прочим, из-за тебя», – хочется добавить мне. Вместо этого говорю:

– Я не могу туда не ходить. Вы... ты просто не понимаешь.

– Расскажи, и я постараюсь понять, – дружелюбно предлагает Васильев.

Вы тоже хотите это узнать? А может быть, вам интересно, почему я ношу часики с Микки-Маусом?

1997 год. Замоскворецкий зал суда. Мне десять лет.

– Наташа, с кем ты хочешь остаться, с мамой или с папой? – ласково спрашивает облачённая в чёрную мантию женщина-судья.

– С папой, – говорю я.

– Наташа, у твоего отца другая семья и другой ребёнок, – доносится до меня полный обиды голос мамы.

– Ну и что? Я люблю Арниса, и он меня любит. Я буду о нём заботиться.

– Борис, ну не знаю... Ну сам поговори со своей дочерью! Объясни ей, что так – нельзя! – на грани истерики требует мама.

Отец грустно улыбается, обходит перила, за которыми переплела ноги я, и усаживается на корточки.

– Детка, я тебя очень люблю, – он мягко берёт меня за руку. – Но я должен уехать в Америку. Мне надо работать. Ну подумай, как мама будет без тебя? А ты как будешь без мамы? – Я поджимаю губы. – Наташа, ну пожалуйста... А я буду часто-часто к тебе приезжать. Правда-правда. И ты тоже будешь приезжать к нам... Ну, пожалуйста, скажи то, что мама хочет услышать.

– Хорошо. Так и быть. Я останусь с мамой, – нехотя соглашаюсь я.

Папа прячет глаза и шепчет:

– Спасибо.

Он всегда знал, что я люблю его больше всех. Его – и ещё Арниса.

1999 год. Мне двенадцать. Моему сводному брату Арнису три. Моему второму брату, Кристиану, в ноябре исполнится ровно год. Папа, его жена латышка Рита Рихтерс, которую я называю тётей Ритой, Арнис, Кристиан и я в Калифорнии, в Диснейленде. Мы уже были на Площади Нового Орлеана, в Медвежьей Стране, а теперь пришли в Мультаун Микки. От клоунов и сказочных персонажей у меня разбегаются глаза.

– Что тебе купить на память? – спрашивает меня папа.

– Конструктор, – смеясь, подсказывает тётя Рита, обозревая мои шорты, кеды и полосатую маечку.

– А можно мне эти часики с Микки-Маусом? – прошу я. Ведь конструктор быстро надоест, а часики останутся надолго, как память.

– И мне тоже часики, – требует Арнис.
– Мне красные, а тебе синие? – предлагаю я.
– Нет. Мне такие же, как у тебя, – настаивает младший брат.
Мои часы скоро сломались. А Арнис свои сохранил. Те самые, красные. С Микки-Маусом.

2002 год. Мне пятнадцать. Я снова в Калифорнии.
– Садись за руль, – командует отец, предварительно отогнав свой «Мустанг» на безопасный участок трассы.
– Пап, я не справлюсь, – дёргаюсь я.
– Ты-ы? Ты справишься, – с уверенностью взрослого комментирует Арнис, развалившись на заднем сидении и крутя за щекой розовый чупа-чупс. – Давай, я в тебя верю!
– Ну раз ты веришь, то я попробую. – Вдохнув, ставлю левую ногу на сцепление. Правой выжимаю газ, подтягиваю педали до момента, когда машина, тихо урча, тронется с места.
– Папа, я еду! – не веря своему счастью, кричу я. – Я – еду!
– Молодец, – хвалит меня папа. – Ты у нас прирождённый водитель.
– А я что говорил? – смеётся довольный Арнис. – Вот вырасту, и Наташа научит меня водить. Правда, Наташа?
– Правда.

В 2003-м и 2004-м я каждое лето приезжала к отцу. В 2006-м Кристиану исполнилось восемь лет, Арнису – десять, мне – девятнадцать. Я видела, как растут мои братья. Мне нравилось, что они тянутся ко мне. Но только Арнис походил на меня всё больше и больше. Ради него я даже стащила ключи от новенькой папиной «Теслы».
– Не жалеешь, что Кристиана не захватили? – Усаживаясь за руль, спросила я.
– Не-а, – безмятежно покачал головой Арнис. – Он и так от тебя не отлипает. Ну давай, детка, покажи мне класс!
– «Детка»? – смеюсь я. – Ну, держись, мелкий!
Под хохот Арниса мы мчимся по автострате.

2011 год. Арнису пятнадцать, он ростом с меня. Мы выглядим, как близнецы с одного негатива. Только Арнис – яркий темноглазый блондин, а я – бледная шатенка. В то лето впервые за много лет Арнис приехал в Москву. Скривив губы, моя мама наблюдает, как я пишу доверенность для Арниса.
– По-моему, этого делать не стоит, – в конце концов объявляет она.
– А, по-моему, стоит.
Мама обиделась, ушла на кухню и принялась недовольно греметь посудой. Арнис и я выходим во двор и забираемся в мой «Опель».
– Вот смотри: здесь газ, здесь сцепление, – начинаю учить брата я, – а теперь ты садись за руль.
Арнис с готовностью устраивается на сидении, но в последний момент морщится.
– Слушай, я боюсь, – нехотя признаётся он.
– А ты не бойся! Ты же не трус?
– Как сказать... – примерившись, Арнис неуверенно мечется ступней по педалям.
– Наташа. О-ой, я... я еду. Я – еду! – Крик счастья маленького мужчины. – Ты знаешь, что ты – самая лучшая в мире сестра?
– Знаю.
Конечно, я это знаю. Тогда я была в этом убеждена.
– А знаешь, кем я стану? – останавливая машину, серьёзно спрашивает Арнис.

- Гонщиком, как папа? – предположила я.
- Нет. Когда я вырасту, я хочу быть таким, как ты.

Но Арнис не вырос.

Он погиб ровно через полгода: взял ключи от спортивной машины отца, как это однажды сделала для брата я, и сел за руль. Ослепленный фарами встречного грузовика, он не справился с управлением. Погиб он сразу. Похороны, страшные, горькие слёзы отца и мёртвые глаза тёти Риты. И её последние слова, обращённые ко мне, когда я собиралась обратно в Москву:

– Наташа, ты не знаешь, но мы очень скоро вернёмся в Россию. Борис не хочет здесь оставаться: слишком много воспоминаний. И я очень прошу тебя: когда мы вернёмся, ты не приходи к нам больше. У меня остался всего один сын, и я боюсь за него...

Есть такая боль – настоящая боль – которая не убивает сразу. Она начинается с пустоты, когда ты ничего больше не чувствуешь, и только потом эта боль настигает тебя и разрывает душу.

- Хорошо, – помедлив, кивнула я. – Но у меня тоже есть просьба.
- Какая? – тётя Рита бросила на меня безучастный взгляд.
- Отдайте мне часы Арниса.

С тех пор я очень редко навещаю отца. С тех пор я никогда не звоню тёте Рите. С тех пор я закрываюсь от людей и не хочу «выглядеть». С тех пор я делаю всё, чтобы не общаться с Кристианом. Да, он по-прежнему тянется ко мне, но я потеряла право стать частью его настоящего, потому что у меня уже есть прошлое: младший брат, которого я учила водить. И снятые с его мёртвой руки часики. Те самые, красные. С Микки-Маусом...

- Да нечего особо рассказывать. – Я отвела в сторону глаза.
- Ясно, – разглядывая меня, задумчиво протянул Васильев. – А что, если я всё-таки отправлю тебя в командировку? Займёшься организацией обучения для заказчика.

– Но это же привилегия Вадима.

Меньше всего мне сейчас хочется ещё и Шевелёва подставлять.

– Ну, Вадиму и в Москве дел хватит. К тому же, мне тоже придётся ехать в Прагу.

Пауза – и в кабинете разливается ни с чем не сравнимая тишина.

– То есть мы вместе с вами... то есть, с тобой отправимся в Чехию? – Перестав мучить ногтем ткань юбки, я оцениваю непроницаемое лицо мужчины, сидящего напротив меня. – А зачем это тебе?

– Ну уж точно не за тем, о чём ты подумала, – не удержался Васильев. Увидел недоверие в моих глазах и вздохнул: – Наташа, ты этого пока не знаешь, но отбор техники всегда был на мне – Вадим у нас, увы, торговаться пока не умеет. А вот в учебных классах и программах он большой спец. Но если бы я отправился в командировку вместе с Шевелёвым, то управление ИТ-департаментом – моим департаментом! – осталось бы на тебе. А я этого допускать не намерен.

«Интересная у нас альтернатива, да? И что с ней делать – ума не приложу».

- Да, – помедлив, говорю я.
- Что «да»? – не понимает Васильев.
- Хорошо, я поеду в Прагу.

– Ну и отлично, – с облегчением выдыхает он. – В таком случае, завтра принеси свой загранпаспорт. Да, с Тарасовым я сам поговорю... Ну всё, больше я тебя не задерживаю! – Васильев быстро поднимается и, прихватив свою кружку, собирается пересесть в своё кресло, когда я тихо произношу:

- Спасибо.

– За что?

«За то, что ты меня понял».

– За то, что ты хотел меня выслушать... Саша. – Игнорируя его возмущённый взгляд, я выхожу в коридор и осторожно закрываю за собой дверь его кабинета».

2.

«Не знаю, что подумала обо мне Павлова, но сейчас я был зол. Просто зол. А вот в бешенстве я был вчера ночью, когда Лиза в одном лифчике от «Agent Provocateur» (ага, мужчины любят глазами!) скакала на мне, а я думал совсем о другой женщине. Там, в машине я точно знал, что Павлова от меня хотела. И я подыграл ей, хотя был уверен: даже если она мне ответит, то сама вряд ли что-то почувствует. Ещё бы: Снежная королева – вечная мерзлота... Ледяная статуя. Но я просчитался. Я понял это, едва увидел её запрокинутое в страсти лицо, посеребрённое светом плывущих фар, дрожащие ресницы, полуоткрытый рот и тёплые, тонкие руки, пытавшиеся удержать меня, когда я отступил, испугавшись.

– Тебе хорошо? – Царапнув мою грудь ногтями, Лиза склонилась ко мне.

– М-м. – Закрыв глаза, попытался сосредоточиться на процессе. К счастью, Лиза никогда не относилась к тем женщинам, которые считают, что мужской оргазм сродни реакции кофейного автомата: бросишь монетку – получишь стаканчик с кофе⁸.

– Так лучше? – Демонстрируя это «так», Лиза мастерски шевельнула бёдрами, и я «поплыл». Впрочем, «фейерверка» с моей стороны так и не последовало.

– Что не так? – Лиза раздражённо прикусила губы, когда я высвободился из захвата её ног.

– Ничего. Видимо, в Калуге виски перебрал... Извини меня.

Пока «Лизон» обидчиво поправляла свой лифчик, спрыгнул с постели и, прошлёпав босыми ногами, скрылся от неё в ванной. Включил воду, уперся ладонями о холодную кафельную стену. Подставил лицо теплым струям воды и закрыл глаза. Тишина и неудовлетворённое желание моментально вызвали на сетчатке глаз запрокинутое лицо Павловой. Это было как призыв, как l'obsession – идеальное наваждение. Оторвавшись от кафеля, моя правая ладонь нырнула под воду, словно желала согреться. Но вместо этого скользнула по животу, вниз по бедру, обвилась вокруг моей плоти, и...

«Чёрт. Проклятье. Putain merde. Сукин ты сын!»

Сообразив, что я только что попытался сделать, отдернул руку и впился зубами в губы. Не помогло. Зажмурился и саданул о кафель ладонью.

– Саш, ты что? – Распахнув дверь ванной, на меня вопросительно уставилась Лиза.

– Ничего... Пошли спать, – избегая смотреть на неё, я выключил воду. Не вытираясь, выбрался из ванной и прошёл мимо неё, не забыв прихватить с собой полотенце.

И вот теперь я, мысленно чертыхаясь, сидел в своём кресле и размышлял о том, что я – идиот, сродни мазохисту. Думаете, зачем я предложил «балерине» эту совместную поездку? Чтобы переспать с ней в Праге? Чёрта с два! Я действительно не мог оставить её здесь. Почему? Да потому что за три дня Павлова «достала» меня и почти прибрала к рукам Шевелёва. И мне совсем не улыбалось узнать, за сколько дней она очарует весь мой департамент. Ещё бы: пара таких красных юбок – и в ноги к ней упадут и Алтухов, и Фёдоров, и остальные двадцать шесть моих оборотов.

Подумав о превратностях судьбы, заставляющей меня выбирать между тем, что я должен делать, и тем, что я делать хочу (будь моя воля – «балерина» уже вылетела бы на улицу!), потянулся к АТС и нажал кнопку с цифрой «1».

⁸ Источник цитаты: Юлия Прохорова.

- Да, Саша, я тебя слушаю, – прозвенел в динамике сочный голос Тарасова.
- Вячеслав Андреевич, свободны? – поморщился я (ненавижу, когда Тарасов называет меня по имени).
- Для тебя я свободен всегда, – подчеркнуто корректно произнёс генеральный.
- Тогда я сейчас зайду.
- Давай, я тебя жду.

Бросив трубку, я отправился в западное крыло – туда, где был запертый кабинет хозяина и царские хоромы нашего генерального. Пройдя ресепшен, кивнул Наде (работала эта девочка у Тарасова, но, кажется, была совсем не против пойти под меня) и без стука толкнул дверь. Невольно хмыкнул, обозревая желтые стены, плотно увешанные разноцветными грамотами, яркими сертификатами, выпелами, полками с бесконечными сувенирами и фотографиями Тарасова в окружении власть имущих; шкаф, уставленный дорогим алкогольным барахлом (ничего не напоминает?). Наконец, уперся взглядом в узкую переносицу Тарасова. Вячеславу Андреевичу надо отдать должное: зная, что я его откровенно недолюбиваю, он при виде меня расцвел добросердечной улыбкой:

– Привет, привет, Саша! Давно ты ко мне не заходил...

«А я вообще бы к тебе не заходил», – мрачно подумал я, разглядывая Тарасова, с трудом вынимающего из кресла своё располневшее тело. Выбравшись из промежутка, образованного сидением барского трона и чёрным столом, Тарасов дружелюбно протянул мне ладонь:

– Присаживайся. Что с тендером?

– Нормально всё с тендером. – Сев, коротко обрисовал ситуацию, требования заказчика, после чего перешёл к самому главному: – Нужна ваша виза на поездку в Чехию для Павловой и, – я невольно сплотнул, – для меня.

Никогда не видели, как выглядит человек, который с разбегу врезался в дерево? Вот это сейчас в точности описывает шок на лице Тарасова.

– Э-э... – выдавил он. Откашлялся и спросил: – Саш, ты это серьёзно?

– А что, похоже, что я шучу? – я заломил бровь.

– Да нет. Просто... – Тарасов раздражённо дёрнул щекой, подбирая слова.

– Что «просто»? – Я склонил голову к плечу. – Просто на меня не похоже? Или просто не похоже, что Павлова пока ещё мой зам, а значит, я имею полное право задействовать её там и тогда, где я считаю нужным?

– Нет. Просто обычно организацией обучения у тебя занимается Шевелёв, – кашлянув, пояснил Тарасов и заглянул мне в лицо. – Слушай, а ты не хочешь поехать вместе с Вадимом и оставить Наташу здесь?

– Слав, – откинув всякие сантименты, произнёс я, – ты же прекрасно знаешь, почему я этого делать не намерен.

Лисьи глаза Тарасова моментально сузились.

– А что, если я против вашей совместной поездки с Павловой? – тихо, но жёстко спросил он.

– Ты – да, возможно. Но ты – пока не хозяин.

Думаете, этой фразой я перешёл Рубикон? Ничуть: я привёл в чувство Тарасова. Его глаза, гневно вспыхнув, моментально погасли.

– Ладно, хорошо. Согласен, – с неохотой пробормотал он. – Неси паспорта. Я дам Наде отмашку.

– Супер, спасибо. Кстати, мне будет нужна бизнес-виза.

– Не получится, – и Тарасов расплылся в сладкой улыбке. – Ты же знаешь, что сейчас...

– Знаю, – перебил я. – Ну нет так нет, – я встал. – Кстати, по поводу завтра...

– Помню-помню, – благосклонно ответил Тарасов, – в «Пушкине», в восемь вечера. Буду!

Теперь пришёл мой черёд ошарашенно моргать, потому что вообще-то я собирался сказать Тарасову, что завтра уйду с работы пораньше. Но не оскорблять же генерального просьбой не заявляться в ресторан, к тебе на день рождения, даже если ты с ним на ножах?

Остаток рабочего дня прошёл более-менее сносно, за исключением бесконечных совещаний со смежниками и разбора полётов проектных групп. Переходя из кабинета в кабинет, я периодически встречал в коридоре Павлову. «Балерина» то оживлённо шепталась с сотрудниками, то трепалась с бухгалтершами, то осторожно несла из кухни чашку с горячим чаем. И каждый раз при виде меня она вежливо мне кивала, но при этом старательно отводила глаза.

С шести вечера совещания пошли на убыль. Переместившись в свой кабинет (и избавившись от проблем в виде встреч с юбкой Павловой, которая начала действовать на меня, как на быка красная тряпка), я погрузился в работу и незаметно увлёкся. Часов в восемь мой мобильный исполнил знакомый рингтон, и я прижал трубку к уху:

– Да?

– Саш, ты домой собираешься или как? – без предисловий поинтересовалась Лиза.

«Обиделась. Из-за той сцены ночью», – моментально сообразил я.

– Лиз, не надо, – тихо попросил я. Лиза красноречиво промолчала. – Хорошо, я сворачиваюсь и через час буду дома. Позвоню перед выездом.

– Давай! – моментально оттаяла Лиза.

Сохранив файлы, над которыми я работал, выключил ноутбук. Рассматривая медленно гаснувший монитор, я снова вспомнил о Павловой, и мой взгляд тут же переместился на царапины на стене. Сколы были похожи на ссадины.

«Надо всё-таки ХОЗУшников вызвать. Пусть здесь завтра покрасят, и дело с концом», – стиснув зубы, решил я. Как ни странно, помогло. Поднявшись, стянул пиджак с вешалки, просунул руки в рукава и поискал глазами сумку. Вспомнив, что я оставил её на подоконнике, я вернулся к окну. Запустил в кожаные недра руку, пошарил там в поисках ключей от машины. Окинул взглядом уже пустую парковку и только тут заметил, что рядом с моим «БМВ» пристроился чей-то серо-белый «Купер». На ум тут же пришёл любимый фильм Лизы «Ограбление по-итальянски» и хорошенькая героиня в исполнении Шерлиз Терон, гонявшая по Лос-Анджелесу на этой «крошке».

«Интересно, кому в Конторе принадлежит эта машина?.. Впрочем, мне-то какая разница?»

Пожав плечами, я переправил ключи в карман и уже собирался задёрнуть рольшторы, как моё внимание привлекла пара, спускавшаяся с крыльца. Приглядевшись, я замер: это были Шевелёв и Павлова. Вадим что-то говорил «балерине». Павлова внимательно слушала его, иногда кивала и крутила на указательном пальце кольцо с пристёгнутым к нему чёрным брелоком.

«Так это её „Мини Купер“?!»

Словно отвечая на мой вопрос, Павлова протянула руку, и автомобильчик, квакнув сигнализацией, приветливо моргнул круглыми фарами.

– Ты всё-таки думаешь, нам надо в «Oldi⁹»? – донёсся до меня задумчивый голос Павловой.

– Уверен, – пробасил Шевелёв.

– Вадик, а мы успеем? Ночь на дворе, – Павлова с сомнением покосилась на свои детские часики.

– Успеем. К тому же я тебя провожу, – улыбнулся «Вадик» и галантно распахнул перед ней дверцу. Грациозно подхватив юбку, Павлова скользнула в машину. Шевелёв обошёл мини-

⁹ «Oldi» – известный интернет-магазин техники в Санкт-Петербурге и Москве, с сетью доставки товаров по России.

атюрный автомобильчик и уселся справа. «Купер» блеснул фонарями, лихо сдал назад, развернулся и устремился к шлагбауму.

Стоя у подоконника и наблюдая за исчезающим «Купером», я чувствовал себя странно спокойным. Пустым. Холодным. Я даже прикрыл глаза, ожидая проблеска хоть каких-то эмоций. И я дождался: через секунду во мне вспыхнуло нечто, напоминавшее искру. Искра разгорелась, лизнула нервы, резанула по сердцу, сжала мне горло, и я осознал, что это было. Это была ревность – чувство, которое прежде я не испытывал никогда, ни к кому. Я не знаю, сколько я так простоял. Опираясь на подоконник, я кусал губы и бездумно рассматривал тонущую в сумерках улицу. Красный трамвай, его подсвеченный жёлтым салон. Людей, перебегавших дорогу. Одинокую девушку на углу, которая кого-то ждала и с тоской оглядывала прохожих.

Что-то изменилось, скажете вы. Да. Но что? Этого я не знал. От размышлений меня отвлёк новый звонок Лизы. Помедлив, приложил трубку к уху:

– Да?

– Саш, ну ты где? Уже двадцать минут девятого, я тут с ума схожу, а ты...

– Я уже еду. – Сбросив звонок, я отвернулся и пошёл к выходу».

Глава 5

Иногда мы хотим того, чего хотим, зная даже, что это-то нас и прикончит.

Донна Тартт, «Щегол»

9 сентября 2016 года.

1.

«Утро моего нового дня началось с дождя, шелестящего по оконному стеклу, и со сладкого шёпота:

– С днём рождения, Саша.

Покружив у моего рта и лизнув меня в шею, Лиза устремился ниже, в район ключиц, грудной клетки и моего замершего в ожидании паха.

– Солнышко... – Пару раз простонав, перехватил Лизу и потянул её на себя. Минуту спустя «Лизон» уже сидела на мне, ритмично и быстро двигаясь.

– Я люблю тебя, – Лиза изгибается и кусает меня за мочку уха.

– Я люблю тебя, – отвечаю я, чувствуя приближение долгожданной разрядки.

Через десять минут Лиза в одном красном белье (сегодня праздник, как-никак!) металась между спальней и кухней.

– Саш, я тебе кофе сделала, – оповестила она и принялась быстро натягивать юбку.

– М-м, спасибо. А ты куда в такую рань собралась? – подперев рукой голову, лениво поинтересовался я.

– Бу-бу-бу... в ресторан... надо... – доносится до меня невнятное, и из ворота пушистой розовой водолазки выныривает лицо Лизы. – Я вчера обещала в «Пушкин» до десяти утра деньги довести, – перехватив мой вопросительный взгляд, пояснила Лиза, – а сейчас уже полдевятого.

– Сколько?!.. М-мать! – И я пулей вылетел из кровати.

– Саш, а ты до метро меня довезешь? – Лиза стучит в дверь ванной.

– Такси лучше вызови, – остервенело чищу зубы.

– А, ну тогда ладно... Тогда созвонимся... Да, удачи тебе сегодня. И, пожалуйста, постарайся домой пораньше прийти. Хорошо?

– М-м. Постараюсь.

Лиза ещё топталась в ванной, пытаясь что-то сказать, но я уже исчез в душе.

Без пятнадцать девять, натянув на себя чёрный свитер и брюки, я сидел в «бэxu», чтобы в девять пятнадцать, предварительно схлопотав штраф за выезд на «А»-полосу, прибыть к шлагбауму. На крыльце Конторы, прячась от стекающей с крыши воды, крутилась шестёрка сотрудников. Они что-то весело обсуждали. Стараясь не коситься на пустое место, где вчера стоял «Мини Купер» Павловой, я припарковался, вышел из машины, стряхнул с волос капли дождя и сразу же угодил в распростёртые объятия Ленки.

– Саша, с днём рождения! – Её лицо было так близко от моего, что я моментально почувствовал приторный запах её помады и жаркое дыхание. – Счастья тебе, здоровья. А коллективный подарок мы отдадим тебе в ресторане. – Взмахнув рукавами вечернего, и, как я уже понял, «ресторанного» платья, Ленка на секунду интимно приникла ко мне: – А вот свой подарок я вручу тебе позже. Когда ты только захочешь.

«Когда я захочу? Не льсти себе, солнышко...»

– Спасибо, – ровным голосом отозвался я. Многозначительно сжав мои пальцы, Ленка отстранилась, неохотно уступая меня другим сотрудникам. Хор голосов и поздравлений посыпался со всех сторон:

- С днем рождения, Александр Владимирович!
- Счастья!
- Здоровья!
- Долгих лет!
- Успехов!
- Выглядите просто отлично.

Я кивал, улыбался, благодарил. Благодушно пожимал руки мужчинам, подставлял щеку женщинам. Удивлённо приподнимал брови, смеялся, шутил – в общем, участвовал в том корпоративном цирке, который называется «день рождения у очень большого начальника». Балаган закончился, когда ко мне робко скользнула Надя.

– С днем рождения... Александр Владимирович, мне бы до обеда получить загранпаспорта – ваш и Натальи Павловой. Тогда я сегодня успею передать их в «СОВИС».

Для справки: туроператор «СОВИС» находился у чёрта на куличках – на Крылатских Холмах и был нашим постоянным партнёром, занимающимся оформлением виз и авиаперелётов. Я поискал глазами Павлову, но не нашёл.

– Граждане, вы Наталью не видели? – стараясь говорить небрежно, осведомился я.

– Я видел. Борисовна вместе с Вадимом в восемь утра на такси приехала, – доложил Алтухов. Его приятель Фёдоров исподтишка быстро толкнул его локтем. Ленка бросила на меня короткий, но выразительный взгляд. – А сейчас Наталья Борисовна у себя в кабинете, – откашлявшись, невинно добавил Алтухов и достал сигареты. – А вот где Вадик, не знаю.

«Зато я догадываюсь!»

– Ясно, мерси. Надя, пошли, – пророкотал я. Игнорируя взгляды стихшего «крыльца», придержал дверь для Нади, и мы устремились к лифтам.

На четвертом этаже мы вышли. Надя свернула в западное крыло. Я отправился в южное. Кабинет Павловой находился всего в паре метров от моего. Но сначала я отпер свой офис, переправил на вешалку куртку и уже собрался к Павловой, как меня оглушил стук в дверь.

– Можно? – Старый лис Тарасов, которому сегодня утром, как видно, тоже не спалось, барской походкой прошествовал в мой периметр и с любопытством уставился на пустой стол. – Что-то маловато поздравлений, как я погляжу, – хмыкнул он. Подыгрывая Тарасову, я развёл руками, мол, да, маловато. – Ну, тогда мой подарок будет не лишним, – и Тарасов, крикнув, водрузил на стол нарядную коробку. Мысленно помолившись, чтобы Вячеславу Андреевичу не пришлось в голову вручить мне набор с виски а ля Калуга, я протянул ему ладонь:

– Спасибо.

– Ой, да перестань ты, Сашка. Свои ж люди, – и Тарасов по-свойски сгрёб меня в медвежки объятия. – Ну, с днём рождения, дорогой. Ты у нас молодцом, так держать... Кстати, хозяин звонил. Сказал, что ещё наберёт тебе.

А вот это была очень хорошая новость.

– Да? Замечательно.

Тарасов, очевидно, ожидал от меня каких-нибудь подробностей, но я промолчал. Генеральный разжал руки:

– Ну что, в восемь вечера, в ресторане? Всё в силе? – Я кивнул, и Тарасов открыл дверь. – О, – и он замер в дверях. – Ну прошу-прошу... проходите.

И в мой кабинет устремился хоровод из десяти женщин, которые независимо от должности, возраста и степени полноты называли друг друга «девочками». Это была наша бухгалтерия. Судя по выражению лиц «девочек», меня ожидало нечто необыкновенное. И мои опасе-

ния сбылись: финансовый директор (женщина лет пятидесяти, похожая на поделку умельцев из «Модного приговора», но в очках и массивных украшениях из дутого турецкого золота) развернула увенчанный рукотворными завитушками плакат, призванный исполнить роль древнерусского свитка, – и понеслась...

На фразе «лучший мужчина компании» я изобразил смущённую улыбку. При словосочетании «будем вместе долгие годы» я загрустил. На словах «счастье иметь такого молодого начальника» я отключился, попутно соображая, чем, и главное, когда закончится эта бодяга. Спасло меня появление коммерческого директора, который, с улыбкой на губах, протиснулся в дверь, прижимая к груди какой-то свёрток.

– С днем рождения! – он протянул мне твёрдую длань. Посыпались новые шутки и комплименты. Потом настала очередь «девочек», которые, передав меня из руки в руки, с чувством меня перецеловали и с ощущением выполненного долга ушли.

Оставшись один, я вздохнул. Зеркала у меня в кабинете не было, но я понадеялся, что мои щеки и шею не украшает ничья помада. Выскользнув в коридор и воровато оглядевшись по сторонам, я направился туда, куда изначально стремился: к кабинету Павловой. Прицелился и дважды стукнул в дверь, после чего резко нажал на ручку. Нет, дверь была не заперта. И Шевелёва внутри тоже не было. Все было ещё хуже.

Ещё пару дней назад спокойные серые стены офиса (мой протокол!) были выкрашены уютной кремовой краской. Окна и подоконник вымыты просто до неприличного блеска. Из-за нарядных коралловых, радующих любой женский глаз, рольштор пробивались чудовищные по размеру фиалки и нечто кудрявое и зелёное, похожее на выюнок (я не силен в ботанике). Нотку экспрессии в декор вносили два веселеньких постера (покемон с лозунгом «Включи мозги!» и Чичваркин, отчего-то с нимбом на голове) плюс висевшая на гвоздике у двери квадратная академическая шапочка с логотипом «Микрософт». У двери стояла вешалка, на которой красовался чехол с чем-то приятно-синеньким. В общем, такой кабинет мог принадлежать только очень хорошей девочке. Причём, судя по всему, эта «хорошая» девочка была ещё и очень шустрой, потому что провернуть такое с офисом всего за пару дней в нашей Конторе было делом, мягко говоря, затруднительным.

Венчала же эту жизнерадостную картину сама «шустрая девочка» – ага, Павлова Наталья Борисовна, – которая, забавно прикусив кончик розового языка, старательно оклеивала ярко-синей оберточной бумагой какую-то коробку. Увлёклась она настолько, что меня даже не заметила.

– Доброе день, – громко сказал я и с ощутимым стуком закрыл дверь. К моему удовольствию, «балерина» вздрогнула и уронила ножницы. Уставилась на меня, похлопала ресницами и, запинаясь, произнесла:

– Добрый... Александр Владимирович.

– А чем это вы занимаетесь? – благодушно осведомился я, с интересом разглядывая то, что она заворачивала в бумагу: коробку с логотипом «Oldi». И тут до меня дошло... Я понял, почему вчера Павлова и Шевелёв уехали вместе.

Я прищурился. «Балерина» немедленно вздёрнула остренький подбородок вверх.

– Наталья Борисовна, а вы в трудах праведных загранпаспорт свой не забыли? – исподволь начал я.

Павлова подумала и вытянула из-под стола свою безразмерную сумку. Молча порылась в ней и хлопнула на стол книжечку загранпаспорта.

– Отлично, – сгребая её имущество в свой карман, похвалил я. – А как насчёт бантика?

– Какого... бантика? – моргнула Павлова.

– Ну, на подарки обычно клеят бантики... такие, бумажные, – и я изобразил пальцами в воздухе нечто воздушное. Тёмные брови Павловой взлетели на лоб, сомкнулись на переносице.

сице, но уже через секунду смысл сказанного дошёл до неё, и её носик сморщился. «Балерина» фыркнула и откинулась на стуле.

– А бантика не будет, – бросив в ящик стола скотч и ножницы, сообщила она. – Извините, но не успеваю: вы поймали меня с поличным, Александр Владимирович. – Павлова поднялась и пошла ко мне. – С днём рождения. И я искренне желаю вам счастья. Вот, это вам. Надеюсь, понравится.

Вложив мне в руки коробку, Наташка бедром оперлась на столешницу и затейливо переплела ноги. Проехавшись любопытным взглядом по её ногам, облачённым в скромные чёрные брючки, я снял с коробки шелковистую обёрточную бумагу, и на свет появилась внушительная фоторамка. К слову, эту новую модель от «Rekam» я знал хорошо: с экраном в двенадцать дюймов, она была оснащена дополнительной памятью, что позволяло загрузить в неё не только фотографии, но аудио и видео.

– Там ещё часы и будильник есть, – подсказала Павлова, с удовольствием наблюдая, как я верчу в руках рамку, не зная, что сказать. – И внутри ещё есть сюрприз.

– Ты что, что-то туда загрузила? – удивился я

– Ага. Нажмите во-он на ту кнопочку.

Я последовал её совету, и передо мной предстали лица всех моих оборотов. «Шестёрка», стоявшая на крыльце, показывающая мне знак «виктория». Смеющийся Шевелёв. Дурашливые, но обладающие невероятно высокими коэффициентами IQ разработчики Алтухов и Фёдоров. Техподдержка, проектная группа, архитекторы систем – всего сто пять снимков людей, которые искренне улыбались мне.

«Моя Контора...» Я сглотнул.

– Нравится? – Павлова заглянула мне в лицо.

– Да. Очень, – медленно кивнул я. – Скажи, а когда ты успела всё это проверить?

– Ну, часть снимков я сделала ещё вчера, – Павлова подтянула рукава простого белого свитера и ловко прыгнула со стола. – А часть фотографий нащёлкала сегодня утром. Кстати, мне Вадик очень помог... Жаль только, с видео не успели: была у нас задумка записать вам ролик с поздравлениями. Но, с другой стороны, рамка – на долгую память, а видео будет актуально только на год. – Павлова пожала плечами и принялась свёртывать в рулон остатки синей бумаги.

«Что же в тебе тикает? – мысленно обратился к ней я, рассматривая её бледное лицо, прозрачные голубые глаза и плавные движения точёных рук. – Почему, когда тебя нет рядом, я о тебе даже не вспоминаю, но едва лишь мне стоит увидеть тебя, как мне хочется наплевать на всё и взять тебя за руку? Притянуть к себе, утопить лицо в россыпи твоих волос и забыть, что мы – враги... А может, мы – просто люди, волей судьбы встретившиеся не в том месте и не в то время?»

Почувствовав мой взгляд, Павлова обернулась:

– Да?

Я прокрутил снимки.

– Здесь кое-чего не хватает, – и я поставил рамку на стол.

– И чего же?

– Твоей фотографии.

На лице «балерины» промелькнула тысяча выражений и ни одного вразумительного.

– Я не думаю, что тебе это нужно, – подумав, сказала она. Я оценил это «тебе».

– И ещё: когда поздравляют, целуют. Ты не хочешь поцеловать меня?

А вот это был уже вопрос в лоб. Образовавшаяся в комнате тишина моментально сгустила воздух – да так, его можно было потрогать руками. Павлова задумчиво наклонила голову к плечу, и в её глазах появилось нечто, очень напоминавшее раздражение.

– А знаешь, ты прав. Пожалуй, это я сделаю. – Она шагнула ко мне, привстала на цыпочки, и её лицо оказалось так близко, что я разглядел янтарные искорки, прячущиеся в голубой радужке её глаз. – С днем рождения, Саша...

Буква «ш» в моём имени прозвучала так, словно Павлова покатала её по нёбу. Я наклонился, уже собираясь положить ей на талию ладонь и притянуть к себе, но Павлова быстро мазнула меня сухими губами по щеке и тут же отстранилась. Снова присела на край стола, побарабанила пальцами по столешнице и сухо поинтересовалась:

– Ну что, теперь ты доволен?

– Пока ещё нет.

– Знаешь, а вот это звучит оскорбительно. – Наташка приготовилась ещё что-то сказать, но нас перебили. В коридоре, совсем рядом с её дверью, прозвучали шаги.

– Как думаешь, Владимирович ещё у Борисовны? – Судя по голосу, этот вопрос очень интересовал Алтухова.

– Фиг знает. А что? – отозвался Фёдоров.

– А то ты не знаешь... – короткий смешок, – нашему шефу что одну бабу под себя устроить, что двух... Вот и эта тоже...

Что «тоже» – Павлова, к счастью, не успела узнать, потому что голоса и шаги стихли. Я медленно поднял на Наташу глаза. Бледная, как смерть, «балерина» остервенело рвала зубами пунцовые губы в кровь и растерянно косилась в пустой угол комнаты.

– Наташа, – позвал я. Но Павлова покачала головой, точно просила оставить её в покое. – Ладно. Спасибо за поздравление, – неловко закончил я. Она молча кивнула. Бросив на Павлову последний взгляд, я забрал свой подарок и вышел».

2.

«К чёрту всё. К чёрту Тарасова с его дурацкими просьбами. К чёрту эту Контору. К чёрту Васильева вместе с его днём рождения. И я не пойду ни в какой ресторан, потому что я больше не выдержу. Потому что каждый раз, когда я вижу этого человека или делаю шаг навстречу ему, у меня возникает стойкое чувство, что он меня препарирует. Он словно сдирает с меня маску, одну за другой, и режет меня – по живому. Точно у него есть свободное время, подходящая музыка и мелкие деньги, чтобы расплатиться со мной за мой душевный стриптиз и полное обнажение. Но я – не такая. Я – одиночка. И если мне будет нужно, то я объединюсь хоть с чёртом, хоть с сатаной, но потом я всё равно пойду своей дорогой, одна, не оглядываясь, и никого не возьму с собой. Так почему этот человек с каждым днём делает меня всё слабее?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.